

Владислав Валерьевич Выставной
Михаил Юрьевич Тырин
Антон Иванович Первушин
Сергей Сергеевич Слюсаренко
Николай Калиниченко
Виктор Павлович Точинов
Андрей Щербак-Жуков
Александр Геннадьевич Щёголев
Наталья Владимировна Резанова
Елена Долгова
Андрей Тимофеевич Синицын
Z – значит Зомби (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6507087
Z – значит Зомби: [сб.] сост. Андрей Синицын.: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-079206-1

Аннотация

Давний страх человека перед потусторонней нечистью породил множество мифов, легенд и преданий, впоследствии ставших классическими.

Неудержимое воображение писателей-фантастов придало этим историям новые голоса, вписало множество оттенков в мрачную палитру ужаса, тлена и крови.

Даже Голливуд, ведомый Брэдом Питтом, устраивает марафон кошмаров в экранизации культового романа «Война миров Z»!

А что думают по этому поводу русские фантасты?

10 ведущих российских авторов впервые демонстрируют свой взгляд на зомби-апокалиптику!

Содержание

От составителя	4
Михаил Тырин	5
Пролог	5
1	7
2	10
3	12
4	15
5	19
6	22
7	25
8	28
9	31
10	33
11	36
Елена Долгова	37
Виктор Точинов	49
1. Не каждая лошадь кобыла, но каждая кобыла – лошадь	49
2. Не все, пойманное в реке, годится в пищу	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Z – значит Зомби (сборник)

сост. Андрей Сеницын

От составителя

27 июня 2013 года «Война миров Z» добралась до России. Лавина живых мертвецов, сметая все на своем пути, устремилась на улицы городов и проселочные дороги. Враг оказался повсюду. Весь мир в одночасье изменился. Человек, укушенный зомби, превращался в безжалостного каннибала. Выбора не оставалось: только снести монстру башку, не задумываясь о том, кто перед тобой. Пусть даже это бывший друг или близкий, любимый человек. Иначе окажешься по ту сторону...

По счастью, все это пока происходит только на экранах кинотеатров, где демонстрируется фильм, снятый по бестселлеру Макса Брукса. Роман «Война миров Z» увидел свет осенью 2006 года, и тут же за его экранизацию разгорелась борьба между продюсерскими компаниями Леонардо ДиКаприо и Брэда Питта. Победил последний, и теперь его лицо красуется на афишах.

Роман, рисующий историю Войны Z, представляет собой набор интервью, которые представитель ООН берет у выживших свидетелей событий. Перед читателем предстает галерея людей различных национальностей (война охватила все без исключения регионы) и различных социальных слоев (от политиков и военачальников до простых обывателей). Из этих рассказов складывается масштабная картина произошедшего. Писателя прежде всего интересуют человеческие судьбы. Во введении вымышленный рассказчик пишет: «Разве для будущих поколений хронология и статистика потерь важнее воспоминаний отдельных людей, не так сильно отличающихся от них самих? Разве, исключив человеческий фактор, мы не рискуем отдалиться от истории, которая может, упаси боже, однажды повториться? И, в конце концов, разве не человеческий фактор – единственное различие между нами и противником, которого мы теперь называем «живыми мертвецами»?»

Однако роман Брукса – это не просто психологически достоверный хоррор. Демонстрируя солидный багаж знаний в области геополитики, Макс Брукс пытается показать, как Война Z происходит в той или иной стране. Как борется со страшной болезнью та или иная нация, каковы последствия этой борьбы? Что ждет людей после победы? И вот здесь автор допускает досадный промах. События в России и Украине поданы с точки зрения устаревших стереотипов: тут и Осетия, и реставрация монархии, и применение в войне танков Т-34 и «катюш».

Сборник «Z – значит зомби» является попыткой показать, «как все было на самом деле». Как повели бы себя наши люди, если бы лавина живых мертвецов действительно устремилась на улицы российских городов.

И последнее. Когда мир охватила страшная болезнь, то наиболее вероятным ее источником посчитали Китай. Поверьте, это отнюдь не так.

Андрей Сеницын

Михаил Тырин

Мутная вода

Пролог

В кабинете пахло сухой пылью и гуталином. Лучи майского утреннего солнца нарезали пространство на строгие геометрические доли.

– Вы меня слушаете, товарищ Вешенка?

Евграф Антонович вздрогнул и отвел глаза от ярких солнечных ромбов на полу.

– Да-да, внимательно слушаю...

Хозяин кабинета прошелся мимо, повесив в воздухе едва уловимый след одеколona. Он был крупный и неторопливый. Говорил с мягким восточным акцентом. Надет на нем был военный френч без знаков различия. Впрочем, и без них было видно, что человек этот – большая птица. Не меньше чем генерал. А может – чуть ли не нарком.

– Мы вас очень ценим, товарищ Вешенка, – продолжал он. – Еще бы! В такие-то годы – и уже профессор, светило медицины и биологии, ученый с мировым именем...

– Не с мировым... – не сдержался Евграф Антонович. – В мире меня вряд ли знают.

– Захотим – и узнают! – весело сказал генерал. – Мигом узнают, да так, что сами ахнут. Только нам с вами это пока не совсем нужно, – он остановился, глядя в окно. И негромко добавил: – Совсем не нужно это нам.

Вешенка кисло усмехнулся.

– Так я продолжаю наш разговор... – словно спохватился генерал. – Чему нас научили уроки наших военных операций последних лет? Тому, что советский солдат – это герой. Он – человек своей родины и своей партии, это определяет и его бытие, и сознание. Да! Сколько примеров, когда простые бойцы нашей славной армии шли против пулеметов, против танков и пушек, не думая о себе, думая только о долге.

– Да, товарищ... э-э, – поспешно кивнул Вешенка. – Совершенно согласен.

– Одно маленькое досадное обстоятельство, – произнес генерал, не обращая внимания на собеседника. – Оно в том, что пуля – дура! Пуля или осколок – ерунда размером с ноготь – может убить героя, который, быть может, всего один шаг не дошел до своей цели. Который вот-вот готов выполнить важный приказ, решить исход войсковой операции, спасти сотни жизней, приблизить победу... Обидно это, товарищ Вешенка.

– Обидно. Так точно.

– Никуда это не годится, вот что я думаю. И что же, вся ваша медицина и биология так и будет на это равнодушно взирать? – генерал обернулся и в упор посмотрел на Вешенку.

– Почему же равнодушно взирать? – Евграфа Антоновича вдруг пробила испарина. – Мы работаем, мы лечим раненых, ищем новые пути...

– Э-э, не там вы ищете свои пути, товарищ профессор. Я совсем не о том вам говорю. Вы читали материалы по проекту «Ливингватер», которые наша разведка доставила из Кайзенбурга?

– Да, я посмотрел... собственно, мне дали всего полчаса, я едва успел пролистать. Очень интересные опыты, да и вообще доктор фон Штольц весьма уважаемый ученый, но, должен признаться...

– Так вот, товарищ Вешенка, – нетерпеливо прервал его генерал. – Эти интересные опыты навели нас на интересные мысли. Вот представьте – идет боец, несет тротил, чтобы взорвать вражеский мост. Вдруг ему в грудь попадает пуля! Но он не падает, не умирает! Он

принимает пилюлю – и снова живой. Пусть ненадолго, пусть на пять минут. Но их хватит, чтобы закончить задание! Этого вполне достаточно. Представьте, насколько скорей победит армия, в которой солдаты не валятся от первой же пули, а продолжают идти вперед. Представили?

– Я вас понял. Я все понял, – закивал Вешенка, вытирая рукавом вспотевший лоб. – Но и вы поймите, опыты с боевыми симуляторами – палка о двух концах! Проблема в том, что растормаживание нервно-мышечной сигнальной парадигмы ведет к потере...

– Э-э, не надо мне сейчас ничего рассказывать! – с досадой отмахнулся генерал. – Ты попробуй! Ты сделай! А вот потом – расскажешь. Хорошо и подробно расскажешь.

– Я... вы... Я не совсем понимаю... Сколько у меня времени на подготовку?

– Завтра и начнете, – пожал плечами генерал. – Материалы фон Штольца получите под роспись утром.

– Завтра?!! Но это невозможно! Нужно ведь сдать дела, подготовить лабораторию, оборудование, собрать научную группу, провести ряд ученых советов...

– Никаких советов, товарищ Вешенка, – холодно отчеканил генерал и отвернулся к окну. – А о делах своих не беспокойтесь. И лаборатория уже есть.

– Что за лаборатория? – тихо поинтересовался Евграф Антонович. – При каком институте?

– Ни при каком. Сама по себе. Есть, знаете ли, старая усадьба в городке Маклинске, там до прошлого года спецбольница была. Больница уже переехала, а место для наших задач – роскошное. И ученая группа у вас там будет. Хорошие люди, умные, правда, оступились в свое время...

Вешенка помолчал, потом развел руками – он просто не знал, что сказать.

– Вы ведь коммунист, товарищ профессор? – спросил генерал.

– Так точно. С тридцать девятого года.

– Знаю. Поэтому и согласия вашего не спрашиваю. Сделайте для партии то, в чем она нуждается. А партия для вас и так немало сделала.

Он подошел к телефону и вызвал помощника.

– Отведите товарища профессора в секретариат, – велел он появившемуся в дверях лейтенанту. – Товарищ профессор хочет немедленно подписать кое-какие документы...

1

Трошин спрыгнул с подножки вагона и сразу, словно в горячую воду, окунулся в суматошную, шумную, пропахшую соляркой атмосферу, которой городок Маклинск жил последние четыре года.

Привокзальная площадь была полна – только в противовес дачникам с тележками тут народ был в основном рабочий, серьезный, деловитый. Вдоль полотна, поднимая пыль, шла колонна натруженных МАЗов-самосвалов, груженных песком. У привокзального гастронома урчали, выпуская сизые дымки, три фургона с солдатами-строителями. Трещали трактора, лязгали гусеницами экскаваторы, сновало туда-сюда озабоченное начальство с папками и портфелями. Начальства было много.

Трошин в своей выцветшей штормовке, потертых черных брюках, заправленных в резиновые сапоги, с рюкзаком вписывался в этот кипучий мир почти идеально. Он подошел к пыльному уазу и постучал по стойке двери, привлекая внимание дремлющего водителя.

– День добрый, – он подмигнул усатому шоферу в клетчатой кепке. – А где я тут руководство могу найти?

– А это смотря какое руководство, – шофер неспешно потянулся за пачкой «Ватры», чиркнул спичкой, выпустил облако терпкого дыма. – Районное – оно в исполкоме, три квартала отсюда и налево через сквер. Строительное – в бывшей школе механизаторов, это вот туда с полкилометра, по улице Мира. У них там временный штаб...

– Строительное – это какое? – уточнил Трошин.

– Трестовское, «Гидрострой». А какое надо-то? Тут еще и военное есть, но оно за городом, в лагерях...

– Нет-нет, военного не надо. «Гидрострой» как раз и нужен. Значит, говоришь, полкилометра туда?

– Меньше, пожалуй. Иди, не перепутаешь. Там еще памятник стоит, такой, с голубями...

Найти школу механизаторов не составило труда – почти все общественные заведения в городке стояли на центральной улице. Правда, «памятник с голубями» оказался гипсовой статуей на тему счастливого отрочества, но это не сбilo с пути.

Трошин поднялся в приемную и представился. Насушенная секретарша сказала, что – да, их предупредили – звонили из облисполкома, но начальника управления нет – уехал с товарищами из Госплана смотреть какие-то участки под переселение. И зама нет – с утра на объекте.

Из приемной Трошина направили почему-то в инженерную группу. Тамошний руководитель – толстый пожилой дядька с мохнатыми бровями – долго вертел в руках предписание с московскими печатями и силился понять, что же от него надо.

– Так вы из санконтроля? – произнес он наконец.

– Точно так, – кивнул Трошин. – Старший государственный инспектор, Трошин Сергей Владиленович.

– Минздрав, что ли?

– Нет, Главное управление гидротехнических сооружений.

– А что вам надо-то? Уже двадцать раз все проверяли! Люди отселены, строения ликвидированы, лесные массивы вырублены – все давно подготовлено. Тем более в Плетеневке, это ж десять километров от дамбы, там вода поднимется дай бог на полтора метра.

– Торфяники интересуют. Есть опасение, что они рано или поздно поплывут. А вы не хуже меня знаете, что будет, если такой плавучий остров подтянет к водосбросу.

– Ну, вам видней, конечно, – хмыкнул главный инженер. – Поздновато только спохватились. Вода уже поднялась.

– Не поздновато. Делаем очередной замер в соответствии с общим планом исследований.

– Дело ваше... надо вам – измеряйте сколько влезет. Я-то чем могу помочь?

– Руководство обещало содействие в виде транспорта и проводника. Я тут в первый раз, а точки замеров нужно определить с максимальной привязкой к плану...

– Транспорт вам... – толстяк глубоко вздохнул, всем своим видом показывая: «Свалился ты на мою голову со своими замерами». Поразмышляв с минуту, он сообщил: – Дам вам машину – до самого места добраться. Там вас встретит Василий Андреевич, я позвоню в сельсовет – его предупредят.

– Василий Андреевич – это кто, ваш работник?

– Нет, он обходчик из лесничества. Сейчас помогает временной администрации по организационной части. Сам местный, коренной, территорию знает как свою ладонь.

Он взял телефон и какое-то время договаривался насчет машины. Судя по всему, задача вышла непростая – весь транспорт был нарасхват. Наконец он бросил трубку, отдуваясь.

– Будет вам машина. Минут через пятнадцать газик подъедет, можете подождать во дворе, – инженер отвернулся, давая понять, что более тратить время на непрошеного гостя не намерен.

– Одну минутку, – Трошин извлек из рюкзака планшет и расстелил перед инженером карту. – Вы не могли бы примерно отметить зоны затопления на сегодняшний момент.

– Хм... – толстяк с недоумением уставился на маленькую, чуть ли не туристическую карту. – Сейчас посмотрим...

Он послунывил химический карандаш, поскреб им затылок и наконец уверенно очертил на карте неровный овал.

– Вот это – очертания берегов будущего водохранилища, так сказать, окончательные. А сегодня... – он прищурился, еще больше склонившись над картой. – Сегодня вода примерно где-то здесь... – теперь из-под его руки вышла мелкая, но более замысловатая фигура, похожая на размазанную кляксу. – Но это очень приблизительно.

Трошин глянул на карту. Брови его удивленно изогнулись.

– Простите, не понял... я думал, вода должна пойти вот так... – он отобрал карандаш у инженера и нарисовал свою версию. – Был же план...

– Правильно думали, – вздохнул толстяк. – Был план. Только планировать тут мало, надо считать. Секции до паводка забетонировать не успели – пришлось отводить русло и временно упирать в насыпную плотину, вот тут, видите? Плюс – дожди, промоины на глине пошли – тут, тут и здесь. Вот и смотрите сами, что в итоге получается...

– Черт... – едва слышно пробормотал Трошин, но с вопросами больше не полез.

Через двадцать минут он забрался в кабину обещанного газика и устроил рядом рюкзак.

– Проверяющий что ли? – поинтересовался шофер, кусая спичку.

– Вроде того.

– Я сразу понял. Вас, командировочных, за версту видать.

– А это плохо?

– Да мне все равно.

Машина выбралась из городка и поползла по грунтовке, напрочь разбитой тяжелой техникой. Машин было много, и двигаться приходилось медленно. То и дело газик останавливался, пропуская «Татры»-самосвалы с песком.

– С карьера идут, – проговорил шофер. – Плотину засыпать.

– Я думал, уж все засыпали, – хмыкнул Трошин.

– Ага, засыпали... – фыркнул шофер. – По весне вода поднялась, такой тут пердимонкль начался! Чуть не смыло всех этих гидростроевцев с их тракторами. Они давай скорей-скорей земляную плотину латать. А откосы бетонировать никто и не собирался. Они ее насыпают, вода ее обратно размывает. Да еще и профиль русла не рассчитали с запасом, а тут – ливни в верховьях. И потекло, поехало. Вот так и бьются. У нас ведь все через задний рукав...

– Много деревень под затопление пошло?

– Да не знаю, может, двадцать, тридцать... Не особо много, у нас тут не Днепрогэс какой-нибудь... До моего села вообще полсотни верст, мне эти дела до фонаря. Говорят, поджигальщики тут кудряво зарабатывают. Один дом – двадцать пять рублей, поди плохо.

– Какие поджигальщики?

– Из санитарной очистки. Которые дно готовят. Приходят в деревню – там, к слову скажем, полсотни домов. Бензином побрызгал, факел бросил – вся работа. Вот и умножай.

Газик в очередной раз встал, пропуская колонну грузовиков с узлами, чемоданами и сундуками – пожитками, которые последние переселенцы увозили на новое место. Колонна шла медленно, рывками – пробираться по разбитой перегруженной колее тяжело было всем.

– Такая была дорога – никакого асфальта не надо! – высказал шофер и плюнул своей спичкой в окно. – Все побили своими самосвалами, черти! Хорошо хоть лесовозы сюда не пустили. Какой-то умный человек додумал весь вал на местах оставлять и в плоты вязать. Вода поднимется – сплавщики все соберут.

– Да ладно, – хмыкнул Трошин. – Этой дороге все равно жить недолго осталось.

– Эт-да...

Между тем рядом притормозила желтая «Нива» с помятым крылом. Из салона летели звуки радио: «Все могут короли, все могут короли...».

– Митрич! – в окно высунулась веселая молодая физиономия с рыжим пушком на подбородке. – Здорово!

– Здорово, Саня, – откликнулся шофер Трошина. – Как жизнь молодая?

– Жисть – только держисть! Скажи-ка, Митрич, возле балки дорогу не подмыло еще?

Трошин вдруг разглядел, что на задних местах «Нивы» сидят солдаты в пилотках. И вроде как с автоматами...

– Утром был, нормально там все, – ответил Митрич. – Проедешь.

– А-а, хорошо, – кивнула веселая физиономия. – А то вкруголя неохота переть.

Впереди появился просвет, и Митрич воткнул передачу. Газик с усталым скрежетом, дернулся вперед.

– Много тут у вас военных, – заметил Трошин.

– А как же! – солидно качнул головой шофер. – Тут и стройбат, и охрана для эков, и вообще... За порядком следить надо, мародеров гонять. Как люди дома оставили, так всякое отребье повылазило.

– Тут еще и эки?

– Восемьсот человек, а может, и тыща. На котловане работают. Привезли их на нашу голову. Уже пятеро сбежали, их неделю с вертолетом и собаками искали. Нашли...

– А эти, в «Ниве», вроде как с оружием... Опять, что ли, кто-то сбежал?

– Эти-то? Да, ну... Кассира в банк небось везут. Зарплату для леспромхозов получать. Там народу согнали – со всей области – дно чистить. Вальщики у них прилично получают. Суммы немаленькие возить приходится.

Митрич протяжно вздохнул и задумчиво пропел:

– «...Все могут короли»... Слышь, проверяющий, а что у вас там, в Москве, слышно? Правда, что ли, Пугачиха с Боярским женятся?

– Не знаю, не спрашивал, – рассмеялся Трошин.

2

На дороге стало почище, и Митрич включил наконец третью передачу. Но все равно, когда добрались до места, часы показывали уже второй час.

– Слышь, дальше не повезу – тут вокруг объезжать, считай, четыре километра, да еще и под горку – на обратной дороге не подымусь, заглохну. Тебе дойти быстрее – вон, по стежке, метров триста, там под горку, и сверху лесничество увидишь сразу.

– Как скажешь, – легко согласился Трошин и спрыгнул с подножки, окунув ноги в серую пыль.

Митрич библикнул на прощание, развернулся и укатил, оставив Трошина посреди скошенного поля, наполненного стрекотом кузнечиков.

Лесничество являло собой порядком обветшавшую избу с навесом и парой сарайчиков. За кривой изгородью проглядывал огородик, довольно ухоженный.

У крыльца стоял, уткнувшись передом в куст крыжовника, заслуженного вида «Днепр» с люлькой. Под ржавчиной и грязью угадывалась изумрудно-зеленая покраска.

– Хозяева! – бодро крикнул Трошин.

На звук вышел старый мохнатый пес. Он лениво понюхал воздух и улегся в тени сарая, потеряв к гостю всякий интерес.

Наконец появился хозяин. Василий Андреевич оказался шустрым, ладно сбитым мужичком лет под шестьдесят. На селе люди зреют рано, вот и у него лицо было обветренное, опаленное солнцем, совсем стариковское. Но при этом было видно, что весь он еще полон сил, сыт солнцем, чистым воздухом, простой хорошей пищей и физическим трудом. Глаза с любопытством блеснули из-под козырька клетчатой кепки.

– Ты, что ли, командировочный? Долгонько добирался. Как звать-то? Пойдем, чаю быстро дам – и будем собираться, время не раннее.

Хозяин оказался очень простым в общении, и Трошин с первых же слов стал называть его просто Андреич.

Параллельно с чаем Трошин по карте и на пальцах объяснял хозяину, куда им надо попасть. Тот хмурился и кусал ноготь, и наконец вынес вердикт.

– Так это ж Орловская усадьба! Никак туда не добратесь. Там вода уже неделю стоит. Все залило.

– Как залило? – Трошин переменился в лице и оставил кружку. – С верхом, что ли?

– Ну, не с верхом, скажешь тоже... Но я так скажу, мокровато там. Только на плоскодонке можно подойти.

– А есть плоскодонка?

– Есть... – задумчиво кивнул Андреич. – Но до нее идти надо. Километров шесть, по буеракам – если напрямик. Часа за полтора доберемся. А время и так не раннее.

– А мотоцикл?..

– Не, там мотоцикл не поможет. Слушай, а может, ну его? Завтра с утречка двинем, все успеем. А?

Трошин покачал головой.

– Тут вопрос очень срочный. Сегодня надо. Позарез.

– Раз надо – так пошли, чего расселся... – Андреич подергал рюкзак, утрясывая неизвестную поклажу.

– Андреич, а это зачем? – спросил Трошин, заметив, что попутчик повесил на плечо старую тульскую двустволку. – Надеешься между делом уток пострелять?

– Уток не уток, а оно так привычной. Я ж, считай, двенадцать лет егерем служил при охотхозяйстве. Без ружья как без рук.

Старый егерь взял, что называется, с места в карьер – Трошин едва за ним поспевал. Даже поболтать в пути не получилось – от быстрого шага сбивалось дыхание.

Они миновали небольшую светлую рощу, пересекли вздувшееся пологим бугром поле, за которым открылась кромка синеватого смешанного леса.

Дальше путь шел то между деревьями, то просекой, то чавкающим заболоченным низом, то склоном оврага. Буераков, как и обещал Андреич, встретилось предостаточно.

Наконец он остановился, переводя дух.

– Ну вот, почти пришли. Теперь еще малость бережком – и на месте.

Трошин сначала ничего не различил, но постепенно увидел – лес кончился, сквозь листву блестела большая вода.

Она начиналась в ста метрах от кромки лесного массива, под пологим склоном, и уходила едва не к самому горизонту. Вода была грязная, сорная, тут и там плавали сучья, пучки травы и всякий хлам.

– Гречишное поле тут было, – пояснил Андреич. – Теперь вот – море заливное. Чудно... раньше я тут пацаненком бегал, а теперь только вплавь.

– Ага, – кивнул Трошин, отдуваясь после долгого перехода. – Чудно...

Они обогнули холм, и их взорам открылась группа старых деревянных построек непонятного назначения. Небольшая часть их уже стояла в подступившей воде. Между крышами поднимался дым, слышался лай одинокой собаки.

– Старая лесопилка, – пояснил Андреич. – Там сейчас геологи остановились, мы у них лодку и попросим.

– Зачем тут геологи? – удивился Трошин.

– Ну, может, не геологи, географы, не помню.

– Геодезисты!

Андреич только махнул рукой.

3

За поваленным забором лесопилки их встретили трое небритых и довольно помятых мужиков в грязных спецовках. Один гремел ключами под кабиной армейского ГАЗа-вездехода, двое других колдовали с самодельной кирпичной печкой под навесом. Пахло кислой капустой и перегаром.

Андреичу были рады. Он быстро договорился насчет лодки, отказался от обеда, не забыв представить мужикам Трошина.

– А чего там промерять-то? – усмехнулся один, узнав о цели поездки. – Все, поезд ушел, там вода теперь.

– Торфяники, – коротко ответил Трошин.

– Ну, коль делать нечего, ищи свои торфяники. Кому оно теперь надо? – он нашел рассеянным взглядом Андреича. – Слышь, Василий, ты там аккуратней. Прогноз слышал? В верховьях опять ливни прошли, и еще будут.

– Буду смотреть, – неопределенно ответил Андреич, прилаживая к железной плоскодонке мотор.

Трошин глянул на небо. В самом деле, стало как-то пасмурно, и мир выглядел по-вечернему, несмотря на еще не позднее время.

От импровизированного причала, сделанного из обломков забора, мужики оттолкнули лодку на воду. С третьего рывка ожил и наполнил воздух треском издававший виды двигатель. Трошин, ноги которого гудели от усталости, привалился к рюкзаку, глядя в сторону.

Лодка медленно пошла, раздвигая тупым носом суп из прибитого к берегу мусора. Стало прохладно, вода подернулась туманом. Андреич вел аккуратно, зорко глядя вперед. То и дело приходилось огибать торчащие из воды стволы, плавучие бревна и прочие напасти.

– Все, теперь по руслу идти, оно полегче, – сказал он и сунулся себе в рюкзак.

– Будешь? – в руке у него образовалась початая бутылка «Русской».

– Не, – лениво помотал головой Трошин.

– А я угощусь для здоровья, – он выдернул зубами затычку и с чувством отхлебнул прямо из горла. Крякнул, помотал головой. – Вот так оно повеселей будет, да?

Трошин усмехнулся в ответ. Вода ритмично шлепала в дно лодки, словно большая рыбина била хвостом. В остальном мир был безмолвным, будто вымершим. Пахло гнилью. Порой казалось, что жизнь кончилась, а всю страну и всю планету покрыла эта мутная замусоренная неживая вода.

– Слышь, а что там, у вас в Москве, говорят? – подал голос Андреич. – Водка-то насовсем подорожала или временно?

– Выходит, что насовсем, – безучастно пожал плечами Трошин. – Сколько она теперь, пять рублей вроде?

– Точно. Как коньяк! – воскликнул Андреич и с осуждением покачал головой. – Что делается...

Через некоторое время он сбавил газ и начал плавно выворачивать к зарослям орешника, торчащим из воды. Тут было особенно много мусора, и в конце концов пришлось вообще вынуть винт из воды, а лодку толкать веслом.

– Куда теперь-то? – поинтересовался Андреич. – Мы, считай, на месте уже.

– Так я ж говорил куда.

– Прямо к самой усадьбе, что ли? Так бы сразу и сказал. Сейчас подгребем помаленьку.

Ветви орешника скребли по железным бортам лодки. Иногда что-то со скрежетом цеплялось за дно, потом отпусало.

– Сейчас почище будет, – пообещал Андреич. – Там впереди сад раньше был, а его лет восемь, как вырубili.

В самом деле, ореховые заросли кончились, впереди показался участок ровной воды с торчащими тут и там кривыми пнями. Чуть дальше Трошин увидел крутой скат берега, поросший крапивой и лопухами. Здесь было совсем мелко, Андреич не греб, а больше отталкивался от дна веслом.

– Вон и усадьба твоя.

Силуэт старинной кирпичной постройки возвышался над туманной водой как колдовской замок. Трехэтажное здание имело две башенки и зубчатое обрамление крыши. Правда, чем ближе оно было, тем меньше оставалось волшебства – усадьба была давно заброшена, неухожена, растащена на нужные в хозяйстве кирпичи.

– Тухлятиной какой-то воняет, – проворчал Андреич. – Скотомогильник, что ли, размыло где-то?

Трошин посмотрел на воду. Она была такой же грязной, взбаламученной, как и везде в этом краю, но имелось кое-то еще. Поверхность ее кое-где покрывала едва заметная пленка, словно от подсолнечного масла. Пленка плавала большими неровными пятнами либо тянулась языками.

Андреич не заметил, как Трошин быстрым движением вытер мгновенно вспотевший лоб.

– Стой! – внезапно воскликнул он.

Андреич аж вздрогнул.

– Ты что?!

– Подожди-ка... А ну, подгреби вон туда, видишь?

Андреич увидел. Прямо под правой башенкой вода подмыла и обрушила большой пласт глинистой почвы. Получился двухметровый обрыв, в котором зияла чернотой какая-то дыра. Словно вход в пещеру или подземный ход.

Когда подплыли, стало видно, что края провала выложены кирпичом. Это и в самом деле было подземелье, вернее, старинный подвал. Трошин обратил внимание, что странная маслянистая пленка была тут буквально везде.

– Причаливай, – сказал он внезапно охрипшим голосом.

– Как скажешь, – пожал плечами Андреич. – Только одного не пойму – где ты тут торфяники нашел...

Трошин выскочил из лодки и вскарабкался по склону берега, распахивая сапогами двухметровую крапиву. Андреич закрепил лодку с помощью колышка и веревки и тоже поднялся. Трошин уже распотрошил рюкзак, достав на свет непонятные железяки, пару фонарей и деревянную коробку с какими-то пузырьками.

– Побудь здесь, – сказал он Андреичу и скрылся в наполовину обвалившейся арке парадного входа.

Старый егерь пожал плечами и, чтобы скрасить ожидание, отведал еще немного «беленькой» из рюкзака. Однако на этот раз веселей не стало. Обстановка почему-то давила и тревожила даже многоопытного Андреича, который за годы жизни привык к одиночеству и в лесу, и среди ночи, и в других не лучших обстоятельствах.

Что-то было не так в этой тишине, в грязной воде с масляной поволокой, в непонятной вони, навевавшей мысли о мертвечине.

Трошин позвал его минут через десять. Андреич осторожно вошел в гулкую развалину – и так и ахнул.

Трошин за эти минуты постарался на славу: развесил фонари, привязал к облупленной колонне добротную веревку и сам обвязался специальными ремнями и пряжками, словно

скалолаз. Но главное – он расковырял в полу какую-то дыру, вернее – люк, крышка которого валялась рядом.

– Слушай, Андреич, обстановка усложняется, твоя помощь нужна, а?

– А я что? Я помогу, – осторожно пожал плечами тот. – Что делать-то?

– Да ничего особенного. Просто стой у веревки и меня слушай. Может, подтянуть придется, может, подать что... Так, на всякий пожарный.

– Ты что? Ты туда?.. – Андреич, еще не веря, ткнул пальцем в люк.

– Ага, туда. Так надо.

Трошин пристегнулся к веревке, затем натянул ее, подергал для проверки и – запросто сиганул в провал, Андреич и ахнуть не успел.

Было слышно, как внизу всплеснулась потревоженная вода. Андреич стоял и прислушивался. Веревка то натягивалась, то провисала, но никаких пожеланий снизу пока не поступало.

Андреич не выдержал, осторожно подобрался к люку, встал на колени и заглянул туда, где метался свет от фонаря Трошина.

То, что он увидел, его поразило. Эту усадьбу он знал всю жизнь, и не один десяток раз тут рядом бывал, случалось даже, от дождя прятался. Он привык, что этот старинный дом – всего лишь развалина, загаженная и обветшала, что ничего, кроме мусора, в ней нет.

Оказалось – есть!

Увидел он немного, но этого хватило. Подвал оказался неожиданно просторным, а еще он довольно неплохо сохранился. В воде стояли в два ряда длинные столы, уставленные какими-то баночками, сложными железками и ванночками. У стены – несколько больничных шкафов со стеклянными дверцами да еще пара пузатых баков странного вида.

Больше он ничего разглядеть не успел, потому что появился Трошин и крикнул:

– Андреич! Я подымаюсь, придержи веревку!

Трошин выбрался легко и ловко, будто всю жизнь только это и делал. Отстегнул свои пряжки и тут же торопливо вышел на свет. Пораженный Андреич не отставал ни на шаг.

На улице Трошин поспешно стянул резиновые перчатки, потом достал из-за пазухи длинный пузырек из тонкого стекла и поболтал его, глядя на просвет.

– Чего там? – не утерпел Андреич.

– Да так... – пробормотал Трошин. – Ничего хорошего, в общем.

– И чего?

Трошин посмотрел на него с некоторым удивлением, словно впервые видел.

– Слушай, Андреич... Дело серьезное. Мне телефон срочно нужен. Что скажешь?

– Телефон! – Андреич развел руками. – Где ж я его тебе возьму? Да еще срочно. Телефон только в городе.

– А в поселке, ты вроде говорил...

– Есть в поселке, только до города тут, считай, ближе получается.

– Город, поселок – мне все равно, – Трошин махнул рукой, словно отчаялся разобраться в местной географии. – Телефон нужен.

– Слышь... – Андреич поскреб щеку. – У геологов... ну, где мы лодку брали. У них радио есть.

– Какое радио? Зачем нам радио?

– Ну, радио. Они погоду запрашивают, а еще в «Гидрострой» какие-то сводки передают.

– У них есть радиостанция?!

– Ну да, я ж говорю, радио. Можно контору их вызвать, а там – телефон!

– Андреич, ты гений! Пошли быстрее. Лодка наша там не уплыла?

4

Лодка не уплыла, однако что-то с ней было не так. Задняя часть вместе с мотором почему-то оказалась задрана выше носа. Натянутая веревка уходила под воду.

– Гляди-ка, вода снова поднялась, – оторопел Андреич. – Ну, верно, ребята ж говорили, что в верхах дожди идут...

– И что это значит? – насторожился Трошин.

– Да ничего, нам же лучше – теперь напрямки пройдем.

Мотор на этот раз решил покапризничать, и завелся только раза с десятого, когда Андреич от злости едва не оборвал тросик. Трошин молча хмурился, выбивая пальцами нервную дробь на звонком железном борту.

Наконец двинули. Андреич уже не так осторожничал, и лодку даже пару раз тряхнуло на каких-то подводных препятствиях.

Он поглядывал на попутчика, ожидая, что тот хоть полунамеком даст знать, что происходит и почему срочно понадобился телефон.

Пахло какой-то бедой.

Наконец старый егерь не выдержал.

– Тут раньше-то больница была... в усадьбе этой, – сказал он как бы между прочим.

– Да, была... – отстраненно ответил Трошин.

– Давно, правда, до войны еще, – продолжал Андреич. – Непростая больница. Для генералов всяких, для их жен, для детей непутевых... Охрана, ворота, все как положено. Мы пацанами бегали, подглядывали, а нас солдаты гоняли.

– Угу... – отозвался Трошин.

– В войну ее эвакуировали. А потом какая-то контора здесь была. То ли склад, то ли не склад, не знаю. Знакомая соседка туда ходила, они у нее молоко покупали. Каждое утро, как подоит – сразу туда. Но ничего не рассказывала.

– Обожди-ка, Андреич, – словно спохватился Трошин. Полез в рюкзак и выудил небольшой пузырек, в котором звонко перекатывались таблетки.

– На-ка, прими, от греха, – он протянул Андреичу пару штук. – И я приму.

– Это что еще? – забеспокоился Андреич.

– Да ничего, не волнуйся, это как бы антибиотик такой. Ползаешь по подвалам разным, а там и грибок, и комары, и инфузии – мало ли что...

– Оно да... – солидно согласился Андреич и закинул обе таблетки в рот. И тут же, недолго думая, запил водкой. – Вот так оно ловчее будет, верно?

Трошин поглядывал на часы и хмурился. Они шли сейчас в нескольких метрах от прямого пологого берега. Тут намыло особенно много всякого хлама, и запах гнилого ила густой кашей висел в воздухе. Прозрачный туман клубился над перепутанными грязными сучьями.

Андреич вдруг вытянул шею и сбавил обороты двигателя.

– Глянь-ка... что это? – взволнованно сказал он.

Трошин приподнялся и тоже увидел: среди мокрых завалов у берега кто-то шевелился. Сначала показалось, что это животное – бродячая собака, например. Но лодка шла вперед, и становилось отчетливо видно – это человек.

– Матерь божья... – Андреич вдруг схватился за сердце. – Да это ж Толик Чубуков. Тракторист с совхоза... да как же это...

Трошин не сразу понял, почему вид совхозного тракториста так удивил попутчика. Хотя, по здравому смыслу, тут – в позаброшенном людьми краю, да еще по колено в грязной воде – делать ему было нечего.

– Это ж Толик... – продолжал бормотать Андреич. – Три дня как пропал. На тракторе с моста перевернулся. Трактор-то сразу нашли, а его – нет. Думали – утоп, а он вон где...

До странного тракториста оставалось десятка полтора метров, когда Трошин и сам вдруг чертыхнулся и приподнялся, рискуя перевернуть лодку.

Толик-тракторист выглядел жутко. Изодранная, пропитанная жидкой грязью одежда висела на нем крупными клочьями. Лицо было неестественно опухшим, как поднявшееся тесто. Кожа – обвисшая, синюшная. Не человек, а леший, вылепленный из грязи...

Самое дикое – он что-то доставал из грязной тухлой воды и горстями закидывал в рот. Скорей всего, просто комки водорослей.

– Анатолий! – срывающимся голосом крикнул Андреич. – Ты чего тут? Заблудил, что ли? Обожди, я сейчас лодку подгоню.

– Останови лодку, – сказал вдруг Трошин негромким, но неожиданно твердым и властным голосом.

– Чего? – не понял Андреич, удивленно обернувшись.

– Чего слышал.

Толик-тракторист тем временем заметил их и застыл в скрюченном виде, с расставленными в стороны руками. Из горла его вырвался какой-то звук, похожий на бульканье густого супа в кастрюле: грлум-грлум...

– Анатолий... – шипло проговорил Андреич и осекся. Он и сам наконец понял, что дело нечисто.

В следующую секунду вдруг что-то грохнуло так, что Андреич едва не вывалился из лодки. Он обернулся – Трошин держал в руках оставленную без присмотра двустволку. Из обоих стволов струился дымок. Толик-тракторист с шумом упал в воду, голова его превратилась в какую-то сопливую кашу, хотя крови видно не было.

– Ты что это? Ты что это творишь? – выдавил Андреич, отодвигаясь к корме лодки.

– Спокойно, – Трошин переломил ружье, выбросил гильзы.

– Ты чего сделал-то, душегуб! Ты зачем Толика-то?..

– Толик твой давно мертв уже, – Трошин бесцеремонно залез к Андреичу в рюкзак и выудил пару патронов. – Нет его, ясно? Утонул!

– Да ты... Я... Да что же это... – потрясенный старый егерь только всплеснул руками.

– Спокойно, говорю! И не плачь – не барышня! – Он сел, положив ружье на колени. – Теперь слушай. Много сказать не могу, но что скажу – то запомни! Толик этот – давно труп... Да не перебивай! Эффект такой научный есть: посмертная мышечная реакция. Ты сам видел, в старой больнице все пузырьки поплыли. Лекарства, вещества. Все в воду попало. Вот он и зашевелился, твой Толик. Не переживай, к вечеру все равно обратно окочурился бы. И хорошо еще, беды никакой не наделал. Теперь ясно?

– А ты откуда знаешь про вещества? Ты ж геолог!

– Ох, Андреич, давай так. Я тебе кое-что покажу, и чтоб больше вопросов не было. Вот смотри... – Трошин сунул руку под штормовку и достал маленькую красную книжечку с золотым гербом. Открыл перед глазами попутчика и подержал несколько секунд.

– Вот оно что... – Андреич сокрушенно покачал головой. – Спецорганы, стало быть. Не геолог ты никакой, а майор уполномоченный...

– Все, хватит разговоров. Заводи мотор, гони на свою лесопилку.

– Э-эх, связался я с тобой...

Всю дорогу Андреич угнетенно молчал. Пару раз глотнул из своей бутылки. На Трошина не смотрел, и взглядов его избегал.

Вода стала гораздо грязней, мусорней, вдобавок надвинулся дождливый сумрак. И снова казалось, что вся земля покрылась этой гнилой жидкой грязью, что не осталось ни одного солнечного чистого уголка, ни зеленой травы, ни золотого песочка, ни синего искри-

стого озера, а только хмурь, да взбаламученный гнилой ил, подернутый мертвенным туманом.

– Однако... – впервые обронил Андреич, когда вдали показались контуры лесопилки.

Почти вся она была залита поднявшейся за последние часы водой. Лишь пара сарайчиков да бытовка еще не окунулись, но и им, судя по всему, недолго оставалось стоять на суше.

– Мужикам ни слова, – строго предупредил Трошин.

Мужики выглядели несколько перепуганными. Им удалось спасти от наступающей воды свой ГАЗ-66, но починить его так и не смогли, и сейчас бегали вокруг, нервно матерясь и гремя инструментами.

– Андреич! – крикнул издалека один. – Видал, что творится-то? Сейчас дождь еще врежет, да стемнеет скоро. Сгинем тут к чертям...

– Слушай, Петруха, – подошел к нему Андреич. – Ты скажи, у вас радио-то работает? А то вон товарищу проверяющему из Москвы сильно понадобилось.

– Да работает, толку-то от него. Вон, в бытовке, сейчас отведу.

В этот момент под ногами вздрогнуло. Впрочем, вздрогнуло все – и налитанный влагой воздух, и поверхность воды, но ощущение пришло яснее всего из-под ног. Это было так сильно и необычно, что все замерли, переглянувшись.

– Что еще за напасти... – пробормотал Андреич.

– Мож, взрывники работают? – предположил Петруха.

– Скажешь тоже! Откуда они сюда свалились?

– А чего? В том месяце в Троицком церковь взрывали под затопление. Только не вышло у них. Так и торчит колокольня. Мож, они опять вернулись.

– Давай, показывай радиостанцию, – нетерпеливо напомнил Трошин.

Подойдя к бытовке, Трошин выяснил позывные, а затем всех отогнал в сторону и закрыл за собой дверь. Но Андреич с Петрухой, не сговариваясь, снова подступили и прислушались. Петруха машинально высунул из кармана пачку «Стюардессы», но так и не воспользовался, сразу обратившись в слух.

– «Волга», я «Тройка», как слышите... – слабо доносилось из-за двери. – Как слышите... Необходимо передать телефонограмму в Москву... пишите номер... Текст «Вода зацвела». Да, «Вода зацвела». Да, это все... какие шуточки? Какие, к черту... послушайте, женщина, я вам тут не... повторите, не слышу вас... «Волга»... не слышу вас...

Через минуту Трошин появился, и вид у него был сумрачный.

– Слушайте, у них там что-то стряслось, – он присел на перевернутое ведро, жестом попросил у Петрухи сигарету.

– Передал, что хотел-то? – спросил Андреич.

– Да черт его знает... То ли не услышали, то ли не поняли... Там, похоже, что-то не то... Слушайте, а вы машину-то сегодня почините?

– А кто же ее разберет... – уныло вздохнул Петруха. – Это ж такая техника, что...

– А с кем еще связь по радио есть?

– С четвертым постом есть, они выше по течению километров на семь...

И тут со стороны поваленных ворот вдруг требовательно прозвучал автомобильный сигнал. Трошин приподнялся и увидел УАЗ-«буханку» с санитарными крестами на боках.

– Это еще что? Кто-то скорую вызвал?

– Не, это врачиха из поселка, – оживился Петруха. – Она тут какие-то бруски забирает, доски – а нам чо? Нам не жалко...

Он свистнул в два пальца своим:

– Пацаны! Докторша приехала!

«Пацаны» как-то очень бодро отозвались на сигнал, бросили собственную злосчастную машину и весело выдвинулись навстречу «санитарке». Трошин заключил, что бруски

и доски забираются не просто так, а все-таки за некоторое вознаграждение. А чем медики чаще всего вознаграждают – это не есть великий секрет...

– Слышь, проверяющий, – негромко произнес вдруг Андреич. – На воду-то погляди.

– Что там еще?

– Вода-то опять уходит!

Трошин сделал несколько шагов к берегу. В самом деле, вдоль кромки чернела грязная блестящая полоса, а течение на стремнине заметно усилилось – это было видно даже отсюда.

– Слышь, чего говорю-то, – Андреич смотрел на Трошина как-то затравленно. – Тут не шуточки. Тут выходит – плотину в городе размыло, а? Помнишь, как дрогнуло-то?

– Да ты что!.. – Трошин осекся.

Он снова сел на бочку, потер виски пальцами.

– Так, – он снова вскочил. – Одно к одному. Как ни крути – одно к одному, понимаешь?

Андреич ничего не понимал.

Трошин развернулся и решительно направился к санитарной машине, куда мужики уже таскали связки пиломатериала. Андреич старался не отставать.

– Отставить погрузку! – скомандовал Трошин.

Поселковый врач – статная и суровая на вид женщина лет тридцати пяти, одетая в болоньевый плащ и простые рабочие брюки, – вышла из кабины со стороны водителя. Трошин остановился напротив и проговорил, вкладывая в голос максимум официального железа:

– Товарищ врач, ваша машина временно конфискуется для выполнения важного мероприятия государственного значения.

– Что?! – усмехнулась женщина.

Трошин украдкой обернулся, а затем так же тайком показал удостоверение.

Врач тут же как-то обмякла.

– У меня, между прочим, муж тоже старший лейтенант, – сообщила она с крохотной ноткой высокомерия.

– Так что с досками-то делать? – озадаченно спросил Петруха.

– Разгружай, – с досадой махнула рукой женщина. – Завтра заберу. Только машину я вам, товарищ Трошин, не доверю. Делайте что хотите, а я тоже поеду. А куда вам ехать-то надо?

– Куда угодно. Мне нужен телефон, межгород, срочно.

– Ближе всего прямо в город... Ну, чего встали, разгружай!

И оторопевшие мужики бросились освобождать машину.

5

Познакомились уже в дороге. Женщину звали Галиной, и рулила она лихо – на зависть любому мужику. На лесопилку приезжала не впервой – собирала по всей округе материалы для ремонта фельдшерского пункта в подшефном селе. За поллитру спирта мужики с радостью грузили ей остатки, брошенные прежними владельцами.

Услышав про возможный прорыв дамбы в городе, призадумалась. А главное – перестала ворчать по поводу самоуправства Трошина.

Правда, то и дело спорила с Андреичем, какой дорогой лучше ехать. Оба были местными, и у каждого имелось по пять точек зрения на лучший маршрут.

Сейчас машина шла по просеке, дороги тут не было, а была хорошо утоптанная колея, по которой «санитарка» катилась как по рельсам.

– Вдоль балки не пройдем, – сердито твердил Андреич.

– Ничего, вчера проходила и сегодня пройду.

– Сегодня вода поднималась. Там и так было по самое горлышко, а теперь дорогу точно залило. Встрянем в грязюку по самые уши, помянешь мое слово.

– Что за балка? – не выдержал Трошин.

– Да овраг там был простой, а потом по нему отводное русло проложили. Как какой дождик – все на дорогу льется через край. А сейчас и подавно.

Вскоре Трошин и сам увидел. Отводное русло сейчас выглядело как грязная канава, забитая мусором. В такую же канаву превратилась и дорога, идущая слева от него.

– Подумаешь, – хмыкнула Галина и решительно переключила раздатку на два моста.

Правда, с дороги съехать все-таки пришлось – там было совершенное болото. Колесам легче было катиться по скошенному полю. Грязевые потоки вылезали на это поле длинными блестящими языками, и Галине то и дело приходилось брать левее, дальше от расплескавшегося русла.

Темнело. Дождик, которым, казалось, был пропитан воздух, так и не начинался, но небо оставалось тяжелым и набрякшим. Колеса чавкали по размокшей почве, комья грязи летели от машины во все стороны.

Наконец случилось то, о чем так настойчиво пророчил Андреич. УАЗ, что называется, сел, погрузившись в грязь по самые оси. Пятиминутной серии попыток выкарабкаться хватило, чтобы окончательно утопить его в трясине и понять – езда кончилась.

– Далеко до города? – спросил Трошин, стараясь сохранять спокойствие.

– До города еще прилично, – хмуро ответила Галина. – Но тут до большака километра два всего, там машины часто ходят. Может даже, если повезет, тракториста какого-нибудь уговорим на подмогу...

Идти по размокшей почве оказалось тяжелей, чем представлялось сначала. Постоянные перепрыгивания и поиск мест посуше вытягивали силы, которых и так сохранилось немного.

– Это что такое, не пойму... – пробормотал Андреич, нагибаясь к земле.

В руках у него зашелестела новенькая двадцатипятирублевка.

– А вон еще... – удивленно проговорила Галина. – Да их тут полно!

Через минуту все убедились, что земля вокруг обсыпана десятками, четвертными и даже сторублевками. Влажный ветерок гнал их со стороны дороги в поле.

Одурев от денежного дождя, все трое сначала просто бестолково слонялись, подбирая бумажки и издавая удивленные восклицания.

– Гляди-ка... – обронил вдруг Андреич, глядя на дорогу.

Там стояла прежде не замеченная «Нива». Двери ее были распахнуты, бампер упирался в кучу грунта, оставшегося от разработки русла. Трошин вдруг понял, что уже видел ее сегодня.

– С леспромхоза машина, – уверенно определила Галина и вдруг потрясенно ахнула, прикрыв лицо ладонью. Она, видимо, знала, кто и зачем ездит на этой «Ниве».

– Денежки-то казенные, – заикаясь, проговорил Андреич и рефлекторно отстранил от себя руку с пачкой собранных купюр.

– Ну-ка, пошли... – скомандовал Трошин, правда, не слишком решительно.

Андреич сдернул с плеча ружье. И хотя курками не щелкал, выглядел теперь непривычно сурово.

Возле «Нивы» они увидели нечто такое, от чего Галина взвизгнула и отбежала назад, обхватив голову руками.

В дорожной грязи, смешанной с кровью, лежали человеческие ноги, обутые в простые солдатские сапоги. Метров на пять от них тянулись кровавые следы и остатки внутренностей, и там лежала вторая половина тела – в пропитанной кровью гимнастерке. Головы не было.

Пройдя к краю балки, Трошин увидел тело второго солдата – примерно в таком же виде. Он вдруг споткнулся обо что-то и через секунду поднял с дороги весь замазанный грязью автомат АКМ с магазином.

– Интересные дела... – прошептал он сам себе и при этом почувствовал, как дрожат связки.

Под ногами шелестели купюры, они летели из разорванного мешка, валявшегося возле машины.

– Эй, гляди чего нашел! – негромко крикнул Андреич и помахал Трошину вторым найденным автоматом. Он старался держать себя в руках, но было видно, что на самом деле он в шоке. Галина была неподалеку, она отвернулась от дороги и громко всхлипывала.

– Андреич! – позвал Трошин, стараясь, чтобы не дрожал голос. – У тебя сколько патронов с собой?

– Коробка была.

– Коробка, значит... Ты поглядывай вокруг, а я машину проверю, понял?

– Ага, – старый егерь втянул голову в плечи и машинально отступил, бросая вокруг испуганные взгляды. – А чего творится-то?

– Страшный суд творится, – пробормотал Трошин и сам своим словам удивился.

В кабине «Нивы» почему-то было много обычной уличной грязи – и на полу, и на сиденьях, и даже на приборной доске. Трошин сел на заляпанное сиденье, ключи болтались в замке. Двигатель завелся сразу.

– Садимся! Быстро!

Галина пролезла назад, она больше не плакала, правда, грудь ее периодически судорожно вздымалась. Трошин нашел между сиденьями тряпку и бросил на колени Андреичу.

– Автоматы разбери и почисть по-быстрому. Справишься?

– Разберемся...

Разворачивая машину, Трошин вдруг увидел в свете фар женщину. Она сидела между кучами вырванного кустарника, ни лица, ни горла у нее не было – только кровавое месиво. Она шевелилась, совершая однообразные рывки – попытки встать.

«Это, видимо, кассирша, – понеслось в голове. – Где-то должен быть еще водитель... Саня, вроде, его звали...»

Кассиршу никто больше не заметил, а Трошин и не стал обращать внимание. Он включил передачу и не отпускал газ, пока не отогнал машину на приличное расстояние от страшного места.

Остановился, не выключая фары.

– Послушайте меня, – он повернулся, чтобы видеть и Галину, и Андреича. – И успокойтесь. Главное – успокойтесь, без этого нам совсем беда...

– Кто это сделать мог? – всхлипнула Галина. – Люди такое не могли, может, волк, медведь или собаки бродячие.

– Да никакие не собаки. Галина, соберитесь, вы же врач, вы и не такое видели.

– Такого точно не видела...

– Андреич, ты этого тракториста-утопленника видел... Так вот – здесь такая же история. Если действительно был серьезный прорыв дамбы, значит, есть жертвы. А раз так – будут еще такие ходячие утопленники. Надо готовиться...

– Вы что такое говорите? – отозвалась Галина. – Какой тракторист, какие утопленники?!

– Скажу вам, что знаю. Хотя знаю немного. Произошла утечка особого препарата из законсервированной больничной лаборатории. Его действие – поддержание основных рефлексов организма в условиях прогрессирующего некроза всех тканей, включая мозг. Как петух без головы бежит по двору, видели? Примерно то же самое. Я не врач, не химик, в подробности вникать не могу. Да и не это сейчас главное...

– Это для нас опасно? – перебила его Галина.

– Это не опасно. Другое опасно. В затопленном котловане могут быть другие погибшие. Если с водой туда проник препарат, все эти мертвецы поднимутся. Ненадолго, думаю, через пару часов они опять лягут. Но сейчас они там! Первый час у них еще худо-бедно работают мозги, они даже речь понимать могут. А потом для них будет важно только одно – тепло и любая органика в пищу...

– Страсть какая! – воскликнул Андреич. – Да не бывает такого!

– Ты, Андреич, много чего не знаешь, что бывает. Поэтому слушай и запоминай. И будь готов к любым поворотам. Надеюсь, в городе все пока спокойно. Но если не так, имейте в виду: убить этих покойников нельзя. Потому что они и так покойники. Зато можно, скажем так, сломать.

– Это как – сломать?

– Просто сломать. Как куклу. Без ног они не могут бежать. Без рук – хватать. Без головы – видеть нас. Самое верное – перебить позвоночник. Так они вообще ничего не смогут, только глаза таращить. Теперь понятно?

– Понятно – стрелять по бошкам.

– Надеюсь, не понадобится, но в целом верно. По голове, по шее, с близкой дистанции. Мы сами ничего поделать не сможем, нам главное – к телефону пробиться. Все, поехали.

6

Осклизлая дорога поползла навстречу. «Нива» хорошо справлялась с лужами и ухабами, а вскоре дорога разошлась с балкой, и стало гораздо суше.

– Я все ж таки не пойму, кто солдатиков-то поубивал? – проговорил Андреич. Он уже почистил оба автомата, пересчитал патроны и теперь с усердием оттирал последние грязинки. – На вид, словно медведь их подрал.

– Да не медведь. Они это, Андреич!

– Вроде же не было никого.

– Были, я следы видел. Точно не медвежьи и не собачьи. Человеческие.

– Да откуда они там взялись, эти покойники?

– А я знаю? Может, еще пара утопленников всплыла, а может, смыло кого-то, а они остановились помочь... Не знаю я!

– Большак... – заметил Андреич, указав в темноту. – Что-то никаких огней не вижу. Ни единой машины...

– Наверно, мост смыло. Тогда и понтон возле элеватора не выдержал, – раздался голос Галины. – Все отрезало. Теперь дорога только в город.

Трошин вырулил на большак и поддал газу. Впереди, правее дороги, блеснули желтые огоньки.

– Свинокомплекс, – проговорил Андреич.

– А телефон там есть? – спросил Трошин. – А то, может, нам и в город пилить не потребуется?

– Это сомнительно. Там и поросей-то не осталось, может, с десяток-другой держат местные. А чего город – он вот уже, за бугром.

В самом деле, впереди сквозь мглу и туман пробивались какие-то огни. Почему-то их было мало, и выглядели они странно. Не так, как обычно смотрится окруженный ночью городок средних размеров.

Трошин вдруг ударил по тормозам.

– Это еще что? – изумленно проговорил он.

Дорога была перегорожена автомобилями. Их было много, и все разные – от потрепанных личных «москвичей» до самосвалов. Они стояли кое-как, порой поперек дороги. У некоторых горели фары и габаритные огни, где-то слышалось даже ворчание незаглушенного двигателя.

– Вон, смотрите! – приглушенно воскликнула Галина.

В свете фар появилась скрюченная фигура. Незвестный двигался неустойчивыми рывками, как больной или пьяный. Вот он подошел к автобусу, уперся в него обеими руками, затем упал на колени. Тело вдруг искривилось в странных судорогах, которые перешли в частую крупную дрожь...

– Грется... – едва слышно пробормотал Трошин. – Теплый мотор нашел.

– Может, ему помочь надо? – сказала встревоженная Галина.

– Ну уж нет... Этому не поможешь.

– Не останавливайся, – прошептал Андреич. – Съезжай с дороги, иди по стежке помаленьку... жуть какая.

Трошин выкрутил руль, и «Нива» скатилась на стежку – крепкую колею, идущую вдоль дороги и скошенного поля.

Они медленно катились, а в свете фар стояли пустые машины с распахнутыми дверями. Их становилось все больше, они уже кое-где перегораживали стежку, их приходилось объезжать.

– Ну все, приехали... – процедил Трошин, плавно останавливаясь. – Все перекрыто, дороги нет.

В самом деле, пустых машин уже было столько, что даже юркая «Нива» протиснуться между ними была не в состоянии. И объезда не было – слева начинался заросший кривыми березками крутой откос.

– Может, как-нибудь, помаленьку... – без особой надежды вздохнул Андреич.

– Я пойду посмотрю, что там, – хмуро ответил Трошин. Он взял автомат, перещелкнул затвор. – Сидите тихо, дверь заблокируйте. И фары пусть горят. По сторонам поглядывайте.

Вытащив из рюкзака фонарь, он шагнул из машины и скоро канул в ночи. Свет фонаря быстро потерялся среди нагроможденной автотехники.

Андреич сидел ни жив ни мертв от страха. Одной рукой он гладил приклад двустволки, другой – перебирал патроны, которые загодя переложил из рюкзака в карман.

– Куда люди могли деться? – как-то безучастно проговорила Галина.

– Убегли, – пожал плечами Андреич. – Или пешком пошли, раз машинам дороги нет.

– Пешком... Куда можно пойти ночью пешком? Тут, похоже, полгорода на этой дороге застряло.

– Не знаю... – вздохнул Андреич.

В следующую секунду машину потряс удар.

Галина истерично взвизгнула, Андреич едва не выпустил оба заряда прямо в потолок. Последовал второй удар, «Нива» сильно качнулась.

– Что это?! – закричала Галина.

– Не знаю!..

Андреич завертел головой, пытаясь разобрать, откуда исходит угроза, но за стеклами не было ничего, кроме темноты.

Между тем последовало еще четыре удара, все сильнее с каждым разом. Андреич наконец увидел за боковым стеклом какое-то качающееся светлое пятно. В следующую секунду оно ударило в стекло, и стало ясно: это чья-то оскаленная физиономия.

Больше всего пугало, что незнакомец бился о машину всем телом, в том числе и лбом о стекло.

Андреич попытался развернуть ружье в сторону нападавшего, но замешкался – ремень зацепился за что-то под сиденьем.

Еще два удара – и стекло осыпалось. Вместе с вечерним холодком в кабину проникла отвратительная вонь: смесь чего-то тухлого с запахом перегнившего ила.

Галина кричала, забившись в противоположный угол кабины. Андреич, потеряв остатки самообладания, судорожно и бестолково дергал ружье, пытаясь освободить ремень.

В следующую секунду на улице раздались три громких хлопка. Неизвестный отлетел в сторону, на одежду Андреича упало несколько капель крови.

В разбитом окне показалось лицо Трошина.

– Ну, что – проспали!? – рявкнул он. – Говорил же – смотрите! Скажите спасибо, что я недалеко ушел.

Он отошел от машины и еще трижды выстрелил. После этого сел за руль, с силой захлопнув дверь. Автомат, источающий легкий пороховой душок, положил рядом.

– Там дальше какая-то дорожка, небольшая совсем, вниз уходит, – сказал он. – Бока поцарапаем, конечно, но ничего, пролезть можно. Куда ведет – знает кто-нибудь?

– Там Нижний город, в той стороне... – обронил Андреич.

– Что еще за Нижний город?

– Склады, набережная, речпорт еще.

– Ну, а проехать-то можно?

– Смотря, как вода поднялась. Там вообще сильно залило. Думаю, можно попробовать. Мимо старой фермы, а потом как раз к котловану выйдем и по кромке – в город.

– Тебя не поймешь, Андреич, – вздохнул Трошин, после чего решительно взялся за руль.

– Постой! – Андреич схватил Трошина за плечо. – Ты ж говорил, они все помрут через пару часов. Так может, схоронимся пока? Обождем, а потом и поедем...

– Что, Андреич, боишься?

– Да я свое отбоялся... Просто тут такое дело... Не знаешь, как и поступать, если что случится. Они ж – не звери дикие, не враги. Даже стрелять по ним как-то неловко.

– Не бойся, Андреич. До города мертвецы навряд ли добрались. Потому и время нам дорого. Я, конечно, один могу поехать – вон машин сколько...

– Нет! – воскликнула Галина. – Чувствую, нам лучше вместе.

– Ну, вот и решили...

7

Следующие минуты всем казалось, что машина продирается через дикие джунгли. Дорожка и впрямь оказалась небольшая – рассчитанная разве что на велосипед. Ветви кустов скрежетали о кабину, подвеска грохотала на неожиданных ямах. Лучи фар метались во все стороны, выхватывая глухие враждебные заросли.

Но это было все равно лучше, чем идти пешком. Высоко в небе показалась белая луна, окруженная серебристыми облаками. Наконец «Нива» выкатилась на разбитую мокрую бетонку, искрящуюся в свете фар.

– Повезло, – заметил Андреич. – Вода здесь была, да только ушла.

– Вроде свет какой-то слева, видите? – отозвался Трошин. – Что там может быть?

– Так то диспетчерская, – ответил Андреич. – Слышь, а кстати, там дежурный круглые сутки. И телефон есть. Может, глянем? Тогда и в город незачем будет пилить...

Трошин протяжно вздохнул.

– Опасно здесь – котлован же рядом. Лучше уж до города поскорей.

– До города еще неизвестно когда и как доберемся, а тут – считай приехали! – настоял Андреич, которому сильно не хотелось в окутанный тревожным сумраком Маклинск.

– Ладно, посмотрим, чего уж...

Машина остановилась перед длинным одноэтажным зданием, окруженным легким заборчиком с палисадником. Над крыльцом горела единственная на всю округу лампочка. Еще немного странно мерцающего света выбивалось из двух окон.

– Открыто... – удивленно обронил Андреич, потянув дверь.

– Галина, оставайся в машине, – сказал Трошин и сунул ей в руки автомат. – Сиди за рулем и смотри в оба. Если что заметишь – сигнал. Андреич, за мной.

В коридоре было темно, и Трошин включил фонарик.

– Воняет, чуешь? – прошептал Андреич.

– Чую...

Здесь стоял уже знакомый запах ила и тухлятины.

– А это еще что?! – в свете фонаря стали видны какие-то блестящие полосы и бесформенные клочья на полу.

– Это ж... кровь! – ахнул Андреич. – Слышь, пошли отсюда, а?

– Стой, – Трошин схватил его за рукав. – Кровь тебя не укусит, так что не дергайся, раз пришли. Где телефон искать?

– По кабинетам надо смотреть...

В коридор выходило несколько дверей, и лишь две оказались открыты. За одной была кладовка с ведрами и метлами. За второй же оказался рабочий кабинет.

– Да что тут творится? – вырвалось у Трошина.

В кабинете был натуральный разгром – единственный стол валялся на боку, пол же застилала разлетевшиеся бумаги. Валялся на боку и включенный телевизор, экран мерцал бессмысленными серо-голубыми полосами.

– Телефон! – заметил Андреич, указав стволом ружья на аппарат, валяющийся среди бумаг.

Трошин сделал шаг вперед и чуть не поскользнулся – под бумагами тоже была кровь.

– Гудка нет, – сказал он, постучав по рычагу. – Хотя сам вроде цел. Вот же черт, провод оборван.

– Так сделать можно, – осторожно предложил Андреич.

– Можно... – Трошин вытащил из кармана перочинный нож. – Ты постой в коридоре, послушай, как там. А я быстренько провода скручу.

Андреич вышел из кабинета, сделал несколько шагов по коридору и обнаружил, что тот заворачивает за угол. В небольшом закоулке было окно, сквозь которое лился призрачный лунный свет.

Андреич приблизился к окну. И в следующую же секунду у него дыхание перехватило от ужаса.

По широкой мокрой дороге брели мертвецы, их были десятки! Скрюченные, неповоротливые, облепленные грязью, они выходили из тумана и двигались вверх, в сторону города, светящегося редкими огнями.

Цепенея от страха, Андреич бросился обратно к Трошину и едва не столкнулся с ним в двери кабинета.

– Тихо! – Трошин приложил палец к губам. – Слышишь?

– Там... там... – запинаясь выдавил Андреич, и затем его прервал треск короткой автоматной очереди с улицы.

– Черт! – Трошин бросился к дверям.

Они выскочили на дорогу и увидели свою «Ниву», окруженную ожившими покойниками. Галина взобралась на крышу машины и оттуда отмахивалась прикладом автомата от тянущихся к ней рук.

– Держись! – крикнул Трошин и выхватил пистолет. – Андреич, бей в головы.

Он решительно пошел к машине, потом чуть притормозил и выстрелил с двух рук, тут же свалив мертвеца. Через секунду – еще двоих. Стрелял Трошин метко и уверенно. Но оставалось еще не меньше десятка.

Андреич вскинул ружье и прицелился. В полутьме это было совсем не просто, но у него тоже получилось сразу же попасть в лицо обмазанного илом утопленника в строительном подшлемнике.

Следующий патрон достался толстой растрепанной женщине в разорванном халате – заряд дроби вырвал ей кусок горла, и она мешком упала на четвереньки.

У Андреича голова шла кругом – он никогда не стрелял в людей, а сейчас видел перед собой что-то среднее между человеком и чудовищем из кошмара. Это было настолько страшно и нереально, что хотелось проснуться и увидеть вокруг нормальный мир...

Толпа мертвецов забеспокоилась, зашевелилась, переключая внимание на двоих мужчин. Послышалось глухое ворчание, бульканье, хрип. Трошин уже отстрелял магазин пистолета и теперь взялся за автомат. Короткие очереди размеренно сотрясали воздух, мертвецы валились на землю, продолжая дергать конечностями и издавать хрип и шипение.

Андреич переломил ружье, выбрасывая гильзы, и полез за новой парой патронов. В суматохе он выронил их, опустился на четвереньки, шаря по жидкой грязи, а когда выпрямился – увидел прямо перед собой распухшую физиономию мертвеца с оскаленными зубами.

Перезаряжать не было времени.

– А-а-а! – закричал старый егерь и со всех сил обрушил приклад на голову врага.

Мертвец покачнулся, утробно зарычал, но устоял. Тогда Андреич просто толкнул его прикладом в лицо, сбив с ног. Появились драгоценные секунды, чтобы загнать патроны в ствол и взвести курки. Выстрел – и лицо лежащего покойника превратилось в розовую слякоть...

– Туда гляди! – воскликнул вдруг Трошин, указывая на дорогу.

Привлеченные грохотом выстрелов, из-за угла здания выходили новые мертвецы, их было больше.

– Слышь, майор, не осилим! – простонал Андреич.

– Знаю. Быстро в машину. – Он помог Галине спрыгнуть с крыши, пока Андреич отгонял наступающих мертвецов грохотом выстрелов, ударами приклада, да и просто пинками.

К счастью, машина завелась почти мгновенно. Дорога впереди вся была заполнена угрюмыми качающимися фигурами.

– Дави их! – крикнул Андреич. – Иначе не пройдем.

Взревел двигатель, Машина рванула вперед, и в первую же секунду сбила бампером пятерых близко подобранных покойников. Однако тут же потеряла скорость и едва не перевернулась – месиво из человеческих тел под колесами оказалось серьезной преградой даже для проходимой «Нивы».

– Аккуратней же надо... – обреченно вздохнул Андреич.

– Спасибо за совет! – сердито ответил Трошин. – У меня окно разбито, если ты не заметил.

«Нива» между тем с глухим стуком сбила еще двух мертвецов.

– Я присмотрю за окном, – неожиданно отозвалась Галина. – Езжай медленно, держи руль, а если кто подойдет – это моя забота.

И она выставила в открытое окно ствол автомата.

– А чего ж раньше не стреляла, когда на тебя нападали? – ворчливо заметил Андреич.

– Растерялась, – хмуро ответила Галина. – Стреляла, но не попала никуда с перепугу.

Вот и решила, что проще отмахаться.

– Сейчас не промажь, ладно? – проговорил Трошин, выкручивая руль и объезжая очередное скопление шатающихся фигур.

– Куда мы теперь? – спросил Андреич.

– Думаю. Телефон не работает, связи нет. Хоть дымовые сигналы подавай.

– Может, в милицию? – предложил Андреич. – Там и телефоны, и радио...

– Попробуем. Дорогу только покажите.

8

– Не пойму я, майор, – проговорил Андреич, когда машина обогнала поток мертвецов и разогналась на пустой дороге между котлованом и городом. – Телефон-то тебе зачем? Ты у геологов же был, радио у них просил, передавал уже все. Или нет?

– Я передавал только, что лаборатория всплыла, – хмуро ответил Трошин. – А что плотину прорвет, извини, не угадал. И что утопленники пойдут на город – это тоже только мы и знаем.

– Объясните мне как врачу, – заговорила Галина, – что с ними происходит? Почему они встают и идут? Расскажите все, что знаете. Может, мы лучше пойдем, что нам делать.

– Делать только одно – войска вызывать. А знаю я не так уж и много, и вряд ли это поможет.

– Все равно, расскажите.

Трошин помолчал, приводя мысли в порядок.

– Это особая биологическая культура, которую выводили для повышения живучести солдат на поле боя. Весь ее смысл в том, чтобы быстро распространиться с кровью по организму и давать ему кислород без участия легких и органов кровообращения.

– То есть это бактерии?

– Бактерии или вирусы – что-то вроде того, не знаю, я не ученый. Они очень быстро распространяются, просто молниеносно. Но поселяясь в организме, они начинают усиленно его жрать. Поэтому век ожившего мертвеца недолог. И он тоже очень хочет жрать, простейшие рефлексы сохраняются.

– Я правильно понимаю, что мы для них можем выглядеть как еда?

– Похоже, так. В этом и ужас. К утру весь этот город может превратиться в кладбище. Поэтому срочно нужна связь.

– Ну, может, им уже сообщили, в Москву, а? – осторожно предположил Андреич. – Мы ж тут не одни такие глазастые.

– А что они могли сообщить? То, что здесь утопленники по улицам гуляют? И кто поверит? А вот мне – поверят. Я знаю, кому сообщать, чтобы поверили.

– Ну, тебе видней, конечно...

– Думаю, о прорыве плотины в центре уже знают. Но толку с этого – ноль. Утром пришлют стройбат да гражданскую оборону. А тут спецвойска нужны, причем немедленно.

Машина уже мчалась по темным и пустым, словно вымершим улицам Маклинска.

– Попрытались, что ли? – пробормотал Трошин.

– Да здесь всегда было ночью тихо... – вздохнула Галина.

– Откуда огни? Свет же оборвало?

– Тут еще гидростроевская ветка, отдельная, – предположил Андреич. – Может, она уцелела. А кстати, видишь, вон там вроде как зарево какое-то. Нам туда. Там и исполком на площади, и милиция рядом.

– Зарево... – хмыкнул Трошин. – А ведь и вправду похоже, что пожар.

Машина вылетела на площадь, и Трошин тут же ударил по тормозам, в голос выругавшись.

Все пространство перед ними было заполнено бродящими туда-сюда утопленниками. Больше всего их было слева – где догорал старый одноэтажный универмаг.

– Фары погаси! – испуганно прошептал Андреич.

– Откуда их здесь столько? – Трошин в сердцах стукнул ладонью по баранке. – Они же не могли нас обогнать.

– Не знаю... Что делать-то будем? Вон райотдел, отсюда видно.

– Объехать можно как-то?

– Смотрите... – ахнула вдруг Галина. – Они же... мне не кажется?

– Не кажется. Они едят друг друга.

– Они не утопленники... – проговорила Галина. – На них ни грязи, ни воды. Только кровь блестит. Они точно мертвые? Или больные?

Трошин только протяжно вздохнул.

– Поедем напрямую, – решил он. – Галина, держи окно. И ты присматривай, Андреич. Время дорого, некогда объезды искать.

С выключенным светом «Нива» медленно выдвинулась на главную городскую площадь. Собственно, площадью это место называлось условно – всего лишь широкое пересечение трех улиц и большая клумба посередине.

Всего минуту удавалось не привлекать внимания. Потом на пути возникла скрюченная фигура в заляпанной кровью рубашке. Мертвец застыл, глядя, как приближается машина. Потом вдруг вытянул руки вперед и шагнул навстречу.

– Не сворачивай, майор, иди как шел, – процедил Андреич.

Мертвец стукнулся о капот и завалился на спину. Машина подпрыгнула, переезжая тело.

– Они нас заметили, – проговорила Галина.

Действительно, в сторону медленно ползущей машины оборачивались бледные распухшие лица, одно за другим.

– Они близко! Я стреляю!

– Так стреляй!

Грохнул автомат, по салону зазвенели гильзы.

– Вроде, попала...

– Молодец, только патроны экономь.

Еще два покойника выбрали навстречу машине и тут же оказались под ее колесами.

– Хорошо идем, – нервно усмехнулся Трошин. – Дальше почище вроде.

В самом деле, ближе к райотделу улица почти опустела, и Трошин прибавил скорости. Торопясь, он решил срезать путь через газон. Однако вместо того, чтобы мягко подпрыгнуть на бордюре, «Нива» вдруг глухо ударилась во что-то, развернулась и начала валиться на бок.

В долю секунды Трошин понял свою ошибку. То темное пятно, которое он принял за газон и кусты, на самом деле было совсем другим – скоплением шевелящихся мертвецов, раздирающих чье-то тело.

«Нива» удержалась на колесах, но плотно засела между деревом и кучей шевелящихся тел. К заднему стеклу тут же прильнуло пугающее белое лицо с бессмысленно выпученными глазами.

– Быстро из машины! – закричал Трошин, распахивая дверь и сбивая ею лезущего к машине мертвеца. – За мной!

Он первый начал стрелять, обездвиживая самых активных. Грохнула егерская двустволка, взвизгнула Галина, которую едва не схватили за ногу.

– Бежим! – скомандовал Трошин, когда все трое оказались на чистом участке асфальта.

А уже через несколько секунд он молотил рукояткой пистолета в железные ворота РОВД.

– Откройте!

Отдел был явно обитаем сегодня – в окнах двухэтажного здания мерцал желтый свет. Похоже, там жгли свечи.

– Они идут к нам! – крикнула Галина, растерянно водя из стороны в сторону стволом автомата. Мертвецы отреагировали на грохот и стрельбу и теперь неторопливо разворачивались в сторону троих оставшихся почти беззащитными людей.

– Стреляйте! – приказал Трошин.

И первым вскинул автомат, уложив двоих близко подобранных уопленников.

– Откройте! – снова закричал он, колотя в ворота.

Галина и Андреич стреляли не переставая. Последний едва успевал менять патроны, которых становилось все меньше.

Неожиданно Трошину ответили из-за ворот:

– Проваливайте ко всем чертям! – прозвучал злой надрывный голос. – Идите домой, не привлекайте к нам этих психов.

– Приказываю открыть дверь! – ничуть не смутился Трошин. – Я – майор Комитета государственной безопасности!

После секундной паузы загрохотал засов. Приоткрылась узкая металлическая калитка, из-за которой ударил луч света. Трошин уже держал в руке удостоверение.

– Товарищ майор... наконец-то... – пролепетал пожилой сутулый старшина, увидев перед собой воинственного Трошина с автоматом на ремне. – Быстрее к нам... Заждались уже.

Железная дверца грохнула, отсекая небольшой дворик от заполненной мертвецами улицы.

– Это все? – удивился старшина, взглянув на троицу потрепанных путешественников. – А где остальные?

– Какие остальные? – не понял Трошин.

– Ну, остальные! Где войска, солдаты, десант, танки? Нам обещали, что помощь будет!

– Никаких танков пока нет. И до утра не будет.

– Да как же так!

– Слушай, старшина, ты не причитай, а веди меня к старшему. Есть тут кто из начальства?

– Начальник отдела тут, майор Воронцов. А вы как здесь оказались, если танков нет?

– Как, как... молча!

9

В просторном холле горело с десяток свечей и пара керосиновых ламп. Вдоль стен на скамьях и стульях молча сидели какие-то люди – мужчины, женщины, некоторые в милицейской форме, другие чуть ли не в исподнем. Где-то наверху рыдал маленький ребенок.

На первый взгляд казалось, что милиционеры прямо из кроватей притащили сюда, под защиту железных ворот, своих родственников и близких.

Трошину показали начальника РОВД. Это был мордатый дядька простоватого рабочего вида. На нем были милицейские штаны, домашние тапочки и драный свитер. Взгляд был блуждающий, словно майор слегка не в себе. Обеими руками он сжимал простое охотничье ружье, поверх свитера был надет патронташ и уставной ремень с кобурой.

– Чекисты подъехали, товарищ майор! – сообщил ему старшина. Милицейский начальник даже не пошевелился, лишь беспокойно заморгал.

Трошин представился, сел рядом.

– Объясните, что тут произошло с момента прорыва плотины? Почему полные улицы утопленников?

Воронцов судорожно сглотнул, сильнее прижал к себе ружье.

– Да кто ж его знает, что произошло... – с трудом выдавил он. – Я думал, вы расскажете.

– Лично вы что видели?

– Я-то? Да сначала – ничего. Объявили насчет аварии на котловане. Я с областным УВД связался. Тем временем снизу два грузовика подъехали – с мертвыми, с ранеными. Мне приказали тела складировать за городом, на какой-нибудь ферме... для последующей санобработки и опознания... Пока туда-сюда... А они – шевелятся! Я сам видел – мертвецы шевелятся и расползаются! Люди закричали, паника началась. Я ребят послал проверить, что да как... Не вернулся. Потом гляжу – один из них у столба стоит, шатается, весь в крови, изо рта – пена черная...

– Вирус распространяется... – тихо сказала Галина.

– Вирус? – милицейский майор словно ожил. – Что за вирус? Заражение?

– Спокойно, товарищ Воронцов, – ответил Трошин. – Вас за воротами не достанет. Да, произошло заражение. Эпидемия, можно сказать. Передается при прямом контакте, через кровь. А теперь скажите – какие средства связи еще работают?

– Никакие не работают, – покачал головой милиционер. – Приказом из обкома все телефоны и телеграф отключены. Сразу после прорыва плотины. Для соблюдения режима секретности. Нам сказали – никаких действий не предпринимать, ждать помощи. Так что сидим, ждем...

– Долго придется ждать, майор. Ни в Москве, ни в области даже не знают, что на самом деле у вас произошло. Вы же не сообщили про заражение?

– Нет, успели только насчет плотины. И тут же был приказ отключить всю связь, запретить фотографирование вплоть до задержаний... Чтоб ни звука наружу не проскочило.

– Значит, придется ее включить, связь вашу. Вставай, майор, идем на пульт дежурного. Воронцов затряс головой.

– Я не могу. Мне только прямой начальник может это приказать.

– Твой начальник в тихом безопасном городе, майор! Он даже не знает, что мертвецы восстали и нападают на людей! А ведь это твои люди – родные, знакомые, соседи. Вы же их даже предупредить не смогли, так?

– Не смогли. Районное радио тоже отключено.

– Так включай!

– Вы не понимаете. Все линии отключены централизованно, через районный узел связи. Это недалеко, под телевышкой. Я сам людей отправлял проверить отключение. Сейчас туда не пройти!

– Пройти – слишком большая роскошь в нашем положении. Нужно прорываться.

– Это как? – Воронцов изменился в лице.

– А вот так! – Трошин продемонстрировал ему автомат.

– Вы с ума сошли? Хотите, чтобы мы стреляли в больных людей? Да меня за это под суд отдадут. Нет уж, товарищ майор. Если они здание штурмовать начнут – тогда имею права. А вот так – просто выйти на улицу и открыть огонь...

– Ты, майор, совсем дурак, что ли? – рявкнул Трошин. – Эти больные люди убивают здоровых! Кроме того, их уже не вылечить, они уже покойники, только ходячие. Никто тебя судить не будет!

– Нет-нет-нет... Это вы сейчас так говорите. А утром прибудет комиссия... И сам стрелять не буду, и людей своих не пушу.

– Ну ты и лапоть! – только и смог сказать Трошин.

– Если такое дело, – продолжал Воронцов, – то вы сами и прорывайтесь. Я вам мешать не стану.

– Патронов хоть дашь? И машину.

– Патронов немного дам, только пистолетных, под расписку. А машин нет. И мотоциклов нет. Все, кто успел, по домам разъехались, своих выручать.

– Эй, там же «буханка» во дворе, – подал голос Андреич. – Я ж видел.

– Не ездит она. Как раз сегодня днем радиатор дырявый сняли.

– Все у тебя не слава богу... – вздохнул Трошин. – Ладно. Будем прорываться сами. Но сломанную «буханку» я все же возьму. Если надо, даже под расписку. И ботинки дайте какие-нибудь, а то в моих сапогах не очень-то побегаешь.

10

– Вместе пойдем, чего уж там... – вздохнул Андреич. – Я и дорогу короткую покажу...
– И я с вами, – присоединилась Галина. – Лишний боец не помешает, а я уже опытная.
– Лучше бы вам здесь остаться... – покачал головой Трошин. Но сильно отговаривать не стал. Ни один человек из РОВД в добровольцы не попросился.

План был прост. Неисправный узик силами пяти милиционеров вручную подкатили к воротам. Затем Трошин полил сиденья бензином.

В тот момент, когда старшина открыл ворота, Трошин бросил в кабину спичку, а помощники подтолкнули машину.

Разгораясь и набирая скорость под горку, УАЗ выкатился из ворот. Метрах в тридцати от здания остановился, застряв в кустах. Но этого было достаточно.

Огонь занялся бодро, и мертвецы потянулись к теплу, оставив ворота РОВД без внимания.

– Пошли! – шепнул Трошин и первый побежал вдоль забора, стараясь не топтать громко.

Им повезло – свернув за угол, они попали в совершенно пустой проулок, ограниченный глухими заборами. Проскочили его на одном дыхании, остановились на перекрестке.

Трошин выглянул из-за угла, скрываясь за кустами боярышника. Он мало что видел, лишь тусклые блики на мокром асфальте.

– Телевышка, – прошептал Андреич, показывая вперед.

Решетчатая конструкция была едва заметна на фоне ночного неба, огни не горели.

– Вроде близко, – заметил Трошин.

– Напрямую тут все кажется близко, – отозвалась Галина.

– Это да... – вздохнул Андреич. – Готовьтесь теперь по закоулочкам петлять.

– Пошли, – скомандовал Трошин. – Только старайтесь больше так не топтать, а то на весь город слышно. Андреич, веди...

Проскочили улицу с частными домами, после этого Андреич указал на узкий ход между огородами. Далее двигались почти в полной темноте. Проулки и проходы, повороты, хлюпающая грязь под ногами, навозные кучи, редкий лай собак, гнилые заборы – все смешалось в непрерывный круговорот, из которого, казалось, нет выхода.

– Стой! – сказал наконец Андреич, подняв руку. – Считай, пришли.

Все увидели широкую улицу, ровно идущую между новыми кирпичными двухэтажками. Впереди, метрах в двухстах, горело пятно света. Трошин полез в рюкзак за биноклем.

– Это и есть узел связи? – спросил он, рассмотрев скучное одноэтажное здание из белого кирпича.

– Там и телецентр, и районное радио, и телефонная станция.

– Откуда у них электричество, интересно... – хмыкнул Трошин. – Хотя, если там телецентр и все остальное... Резервное питание должно быть.

– Что видите? – спросила Галина.

– Забор вижу. Из сетки-рабицы, но добротный. Фонари горят. Столбы, колючая проволока поверху. Окна с решетками. Ворота закрыты. Хорошее место, надежное. Как-то надо туда перебираться.

– Тут бы нам поаккуратнее... – вздохнул Андреич.

– В смысле?

– Мы, считай, назад пришли. За домами – овраг, а там недалеко дорога, на которой мы были.

– Это где машины брошенные?

– Точно. Машины есть, а людей нет. А почему их нет и где они?

– Понял, к чему ты клонишь... Короче, план такой. Снимаем верхнюю одежду. Карабкаемся на забор и накидываем все наши куртки на «колючку». Так и переберемся.

– Дельно, – кивнул Андреич.

– А теперь – быстро и, главное, тихо – бегом марш!

Дорога была ровная, и бежать по ней было бы сплошное удовольствие, если б не ноги, которые уже подламывались от усталости.

– Тише... – яростно прошептал Трошин, стараясь не сбить дыхание. – Не топчите!

– Мы и не топчем! – отозвалась Галина.

– А кто?

Трошина вдруг словно током пробило. Он остановился, тяжело дыша, оглянулся...

Вся улица за их спинами была заполнена быстро движущимися тенями. Шорох одежды, стук каблуков отражался от темных домов и заполнял мир. Теперь, когда ветер не свистел в ушах, было слышно и утробное ворчание, стелящееся в тяжелом влажном воздухе. И запах... Тяжелый, удушливый, словно в море...

– Ох, мать честная... – обронил Андреич, который тоже притормозил вслед за майором. – Откуда их столько!?

– Рвем отсюда, живо! – воскликнул Трошин, уже не заботясь о соблюдении тишины. – Поднажмем, осталось недолго!

Словно тяжкий груз повис сзади, не давая двигаться легко, стремительно. Воздух рвал легкие, в глазах все расплывалось, а пятно света впереди было еще недостижимо.

Но самое ужасное – шорох чужих шагов был все ближе, он настигал, как неумолимая волна во время шторма.

Последний бросок на пределе сил, и пальцы Трошина ощутили холодную металлическую сетку. Тут же, не тратя ни секунды, он принялся карабкаться вверх. Пальцам было больно, носки ботинок соскальзывали с проволочных узлов, но упорство брало свое. Через несколько секунд Трошин уже накинуд штормовку на колючую проволоку, хоть и разорвал ладонь в кровь.

Тут же под ногами раскатисто жажнула двустволка – Андреич принялся палить по толпе мертвецов, до которой оставалось уже шагов двадцать.

– Патроны не трать, все равно не попадешь! – закричал Трошин. – Лезьте сюда.

Он спрыгнул с забора, отбив ноги. Нужно было помочь Галине вскарабкаться по сетке, да и Андреичу наверняка не помешала бы помощь.

– Снимай плащ, наверху руки обмотаешь! – Трошин уперся руками в бедра Галины, подталкивая ее наверх. – Андреич, чего встал! Живо на забор!

– Ты – первый! Я пока их придержу.

Снова грохнули выстрелы. Трошин уже видел в полутьме бледные распухшие лица, бессмысленные глаза и оскаленные зубы. Запах мертвечины накатывал волной и вызывал спазмы в горле.

Он наконец взобрался на забор, подгоняя старого егеря.

– Я ружье обронил! – с досадой прокричал Андреич.

– Плюнь. Сам спасайся!

Перевалившись через колючую проволоку, Трошин не удержался и кувырком полетел вниз, отбив локти и колени.

– Живой?! – воскликнула Галина, которой удалось благополучно спуститься на той стороне.

– Порядок! Андреич, прыгай!

В этот момент бегущая толпа мертвецов со всего хода ударила о забор. Металлическая сетка отозвалась звоном и дребезжанием и пошла волной по всей длине забора. Где-то заискрила проводка.

Покойники шипели и рычали, дергая за проволоку, некоторые пытались ползти вверх, но тут же падали.

– Они забор сейчас сломают... – обреченно выдохнул Андреич. – Слышь, майор, дай-ка автомат, а сам – быстрее к крыльцу. Там дежурный, стучись!

– Держи, – Трошин решил, что в этой ситуации ему хватит и пистолета.

– Беги, майор. Ты один все телефоны и секретные слова знаешь, беги!

Трошин бросился ко входу в радиоузел, слыша, как за спиной бахают выстрелы. Галина тоже осталась охранять последний рубеж, и не было времени ее отговаривать.

– Откройте! – Трошин принялся отчаянно молотить в дверь. – Приказываю открыть дверь, я – офицер госбезопасности!

За спиной что-то противно заскрежетало. Трошин обернулся и увидел: под напором толпы одна секция забора перекосилась, открыв в сетке приличных размеров дыру.

– Утекай, дочка! – закричал Андреич, молотя прикладом по лезущим в дыру мертвецам. – Уходи, быстрее.

Галина застыла на мгновение. Потом бросила автомат с опустевшим магазином и кинулась к Трошину.

Андреича уже окружили утопленники, влезшие через дырявый забор. Он вывернулся, отскочил и схватил с пожарного стенда топор.

– Получай, чертово отродье! Накась! Вот тебе.

Что-то брызнуло на лицо и руки, держать скользкий топор стало трудно, но старый егерь не сдавался.

– А кому еще! На тебе! Получите!

Он махал своим нехитрым оружием, отплевываясь от крови и пота, не чувствуя ни боли, ни вони, ни усталости, словно не было этого страшного дня, трудностей, утомительных пробежек.

– Гори, свечка, гори... – шептал он. – Вспыхни ярче, пока не погаснешь...

Но вдруг острая боль сковала грудь, тут же все тело обмякло, и Андреич упал на колени. Холодные скользкие пальцы ухватили за горло, спину согнула невыносимая могильная тяжесть, смрадный запах ударил в ноздри. Свет померк в глазах, и не осталось почти ничего...

– Гори, свечка, гори... – прохрипел Андреич.

Он успел увидеть, как надежная дверь в здании радиоцентра приоткрылась, впуская Галину и Трошина, и вновь захлопнулась...

11

Загородный аэродром «Сельхозхимии» всегда был местом пустынным и тихим. Небольшая конторка, пара курганов со слежавшимися удобрениями – вот и все хозяйство. Последний раз самолет здесь садился лет шесть назад.

Сегодня все было иначе. Сновали туда-сюда военные, гудели машины и бронетранспортеры. В стороне, на скошенном лугу трещали вертолеты, а пыль взлетной полосы то и дело взбивали уходящие на химобработку «кукурузники».

Трошин сидел на ящике и прихлебывал чай из мятой алюминиевой кружки. В голове было пусто и гулко, как в старой железной бочке.

Только что Галину увез домой ее муж – высокий нескладный старлей с прокуренными усами. Они несколько минут стояли перед Трошиным обнявшись. Галина что-то шептала, а старлей бросал на Трошина сердитые взгляды.

Они уехали. Ни одного знакомого лица в пределах видимости не осталось. Трошин ждал, когда его наконец посадят на ближайший борт и отправят в Москву.

За спиной скрипнули тормоза, затем негромко хлопнула дверь машины.

– Цел, слава тебе, господи... – услышал Трошин.

Он вскочил, оборачиваясь.

– Здравствуйте, Евграф Антонович.

– Сиди, Сережа, сиди... – махнул рукой академик Вешенка. – И я с тобой посижу.

Он и в самом деле по-простому опустился на соседний ящик. С минуту помолчали, глядя, как заходит на посадку очередной «кукурузник».

– Как же так получилось, Евграф Антонович?

Академик неопределенно повел плечами.

– Кто ж мог знать... Мне и в голову не приходило, что лаборатория сохранилась. Сначала нас расформировали. Потом была война, оккупация. Людей разбросало – одни погибли, других посадили. Я и сам обычным полевым хирургом до польской границы дошел. Думал, кончилось все.

– А оно куда не делось... – с грустью усмехнулся Трошин. – Словно ждало этого дня.

– Я как услышал про строительство в Маклинске, меня словно в голову кто-то клюнул, – признался академик. – Надо, думаю, проверить – на всякий случай. Вот и проверили.

– Что же дальше? – спросил Трошин.

– Да ничего, – пожал плечами академик. – Разрушенное – восстановят, погибших – захоронят. Остатки заражения уже деактивируются авиацией и войсками химзащиты. Была авария, погибли люди – да, печально. Ну, а кто лишнее скажет... – он вдруг замолчал.

– Что тому будет? – потерял терпение Трошин.

– Тому просто не поверят, вот и все. – Евграф Антонович протяжно вздохнул. – Пора мне. А ты домой скорее возвращайся. Отдыхай – заслужил.

Он сел в машину, и через минуту та скрылась в клубах дорожной пыли.

Елена Долгова Последний шанс

В разгар лета на побережье Черногории жарко даже после заката. В тот вечер штормило, но свежее от этого не стало. Навалившись на парапет набережной, я наблюдал, как волны накатывают на песок. Совсем рядом шумно спорила чужая подвыпившая компания.

– Так значит, его в больницу увезли? – спросил мужской голос.

– Да, прямо из отеля. Этот псих меня за палец укусил.

Другая компания, поменьше, переругивалась по-английски. Светловолосый веснушчатый парень резко встал, отодвинул стул и зашагал прочь, двое приятелей проводили его колючими взглядами.

– Do you want him back¹?

– In due time².

Светловолосого я узнал сразу же, поэтому двинулся следом, не догоняя его, но и не упуская из виду. Через сто метров улица закончилась, а темнота сгустилась. На оконечности мыса штормовые волны обдавали лицо солеными брызгами. Мой старый знакомый отыскал на камнях сухое место и сел, прислонившись к валуну спиной.

– Ты, что ли? – заметив меня, недовольно спросил он и тут же добавил: – Вот, черт, приперся чувак некстати!

Этот человек носил странное прозвище «Экса». Последний раз мы виделись три года назад при обстоятельствах, о которых лучше не говорить, поэтому, встретив меня снова, он не слишком обрадовался.

– В отпуск явился, что ли?

– Вроде того. Адриатику захотел посмотреть.

– Точно? Тогда радуйся жизни и не ходи за мной. Любишь ты в чужие дела лезть, Морокин.

– А ты нервный стал, даже пошутить нельзя. Не нужны мне твои секреты, своих хватает.

– Я такой вежливый, потому что за мною должок, но за некоторые шутки положено давать в табло.

Было жарко, и ссориться не хотелось. Ветер усилился, шальная волна снова хлестнула о скалы. В поселке ни с того, ни с чего взвыли собаки – эти звуки пробивались даже сквозь шум ветра и воды. Я развернулся и побрел обратно на набережную, равнодушно подметив, что к собачьему вою присоединились приглушенные человеческие крики. Звучали они тревожно и плохо вязались со скучным, спокойным вечером и беззаботной музыкой прибрежных ресторанов.

Ситуация возле набережной и в самом деле сильно переменялась – зеваки-туристы почему-то жались к стенам домов. Я попытался понять, что их напугало, и тут впервые увидел *его*.

Сутулый человек, пригнув голову, невероятно быстро бежал вдоль кромки моря. Движения его были странными – гибкими и резкими одновременно, будто ожила кукла из пластилина. Бегун носил белую, но потрепанную и грязную рубашку, такие же потрепанные штаны, и к тому же оказался босым. К сбившимся в кучку людям этот тип подобрался одним ловким прыжком.

¹ © Е. Долгова, 2013. Вернуть его назад? (англ.)

² В свое время (англ.).

– Смотрите, ребята, снова псих... – растерянно начал кто-то.

Толпа шарахнулась, потом раздался вопль, на этот раз такой пронзительный, что зазвенело в ушах. Темный продолговатый предмет взлетел вверх, описал дугу и шлепнулся прямо мне под ноги. Это была рука – только что оторванная человеческая кисть с широким кольцом на среднем пальце.

Опешившие люди не пытались бежать, а топтались на месте. Я же протиснулся поближе и теперь ясно видел, что происходит. Тот самый бегун, в целом довольно похожий на человека, склонился над лежащим телом, раздирая человека руками. На секунду монстр оторвался от жертвы и вскинул бледное, с глубокими глазницами лицо. Он сильно смахивал на ходячего покойника, но не гнилого и высохшего, а гладкого и довольно упитанного.

В шуме нарастающей паники я разобрал, как ругается за спиной догнавший меня Экса.

– Вот сволочь, только этого не хватало, – переведя дыхание, добавил он. – Не раньше, не позже, что называется – в самый раз.

– Кто это?

– Не знаю, – ответил он, как мне тогда показалось, не совсем правдиво.

Существо вдруг вскинуло голову и завывало, а толпа окончательно ударилась в панику. Полицейский джип уже мчался по набережной, сшибая легкие рекламные щиты. Монстр, казалось, не обращал на хранителей порядка никакого внимания и продолжал делать свое дело. Голос из громкоговорителя по-сербски и по-английски призывал зевак разойтись. Чуть позже загремели первые выстрелы. Пули, попадая в тело, рвали рубашку в клочья, но, казалось, не причиняли ее владельцу особого вреда. Стрельба сделалась беспорядочной, словно бы растерянной. Еще не удравшие зеваки разом отшатнулись.

– Бежим! – с запозданием заорал кто-то, после этого все окончательно смешалось. Люди толкались и сбивали друг друга с ног. Кто-то метнулся в сторону моря, но через минуту уже бежал обратно испуганный.

– Пошли отсюда, – бесцветным голосом пробормотал Экса. – Давай поворачивайся и уходи. Скоро вызовут вертолет и все зачистят. Сегодня без тебя справятся. Ты где остановился, в «Медитерране»? Утром заеду туда часов в семь, разговор есть.

Набережная почти опустела, я попытался срезать путь и попал в густые заросли. Так я и шел, раздвигая на ощупь ветки. Немного позже за спиной раздалась странная, неестественные для летней ночи звуки – зарокотала вертушка, потом заработал пулемет.

Постояльцы из отеля съехали еще ночью, некоторые к тому же бросили вещи. Утром сотовая связь исчезла, радио вместо новостей передавало бесконечную музыку. Под эти веселые звуки ветер гонял по пустому коридору неубранный мусор. Хмурый и плохо выспавшийся Экса явился в назначенный час и подогнал машину – я не стал спрашивать, где он ее взял. Пляж совершенно обезлюдел до самого мыса, зато горную дорогу заполнили сотни автомобилей. Они не ехали, а кое-как ползли по серпантину, пытаясь миновать узкое место и выбраться на уходившее к хорватской границе шоссе. Мы с трудом встроились в эту колонну.

Через четверть часа машины застряли намертво. Солнце поднималось все выше, тени стали короткими, камни нагрелись и теперь испускали жар. Чтобы размяться, я выбрался из машины на край обрыва. Далеко внизу плескалась вода, а в ней шевелились медузы – круглые, серые, они сбились возле берега и болтались там, словно собирались перебраться на сушу.

Экса, который тоже вылез из машины, присел на корточки и, посмотрев вниз, криво ухмыльнулся.

– Зомби. Такие же, как вчерашний. Приглядишься, они стоят по шею в воде, их тут сотни две, может, больше.

Я уже понял, что Экса прав.

– Не торопятся, ждут чего-то. Разумны, думаешь?

– Сложно сказать. Убить их трудно – это да. А о чем они думают – какая мне-то разница? Проще считать, что ни о чем.

Скопище голов в воде дрогнуло и качнулось в сторону берега.

– Ну все, звездеч, сейчас полезут.

Первая шеренга живых мертвецов выбралась в полосу прибоя на валуны. Существа пригнулись, подставляя свои спины остальным. Те вскарабкались на этот «помост», образовав новую ступень. Все происходило невероятно быстро – зомби выстраивали лестницу из собственных тел. Их заметили не только мы – над колонной машин загудели клаксоны. Они так и гудели – безысходно, на одной протяжной ноте. Серый «форд» попытался развернуться, сдав назад, и зацепил стоявший за ним фургон. Из-под колес полетел гравий машина, застряла поперек узкой дороги, медленно, но верно сползая к обрыву.

– Надо было утром угнать мотоцикл, – с сожалением, но совершенно спокойно заметил Экса. – Тогда оставался бы шанс.

Про мотоцикл он подумал зря – автомобили стояли слишком тесно. «Форд» тем временем продолжал сползать с обочины, на него почти не обращали внимания. Людей отвлекали доносившиеся со стороны обрыва низкие, страшноватые звуки. Я добрался до потерявшей управление машины, перепрыгивая с одного капота на другой. Девушку на заднем сиденье мне удалось вытащить под раскаленное небо. Водитель наконец очнулся и тоже дернулся, собираясь вылезать, но не успел отстегнуть ремень. «Форд» вместе с застрявшим внутри человеком уже летел в море, по пути ударяясь о скалы и тяжело крутясь в воздухе. Этот кусок металла протаранил живую лестницу зомби и сбросил в море около десятка живых мертвецов. Похоже, они от этого не пострадали и уже пристраивались к товарищам, собираясь снова карабкаться на дорогу...

– Лезьте наверх! – орал Экса, но я едва разобрал его слова сквозь шум, автомобильные гудки и нарастающий рев, который доносился со стороны моря.

Через минуту мы уже карабкались на скалы, камни сыпались из-под ног, падали вниз и там, внизу, шлепались обо что-то мягкое. Дорога совершенно переменялась – ее заполнила толпа зомби. Эти ходячие мертвецы делали то же самое, что недавно проделал я, – прыгали с одного капота на другой. Уследить за отдельно взятой фигурой не удавалось – внизу словно бы колыхалась сплошная серая, беспокойная масса. Людей на скалах зомби не преследовали, сосредоточившись на тех, кто попытался отсидеться в машине. Мертвецы проламывали стекла, отрывали от кузова все, что похуже держалось, лезли внутрь как бешеные и, добравшись до добычи, принимались за нее, даже не потрудившись полностью вытащить наружу. Крик стоял такой, что закладывало уши, но голосов становилось все меньше...

...Я отвернулся и вскарабкался на карниз.

На нем кое-как разместились четверо – я, Экса, спасенная девушка и незнакомый парень-серб. Девушку звали Кайа, серба, как оказалось, Радан.

Мой чартер из Дубровника улетал завтра. От аэропорта меня отделяли пять часов езды по узким горным дорогам и паромная переправа через Бокакаторскую бухту. Учитывая ситуацию, попасть в Дубровник через пять часов я никак не мог. Оружия не было, внятного плана действий – тоже. Под обрывом копошились мертвецы. Кайа видела все, глаза ее расширились от страха, но истерику девушка не устроила, за что я ей, если честно, был благодарен. Следовало убираться из опасного места, не особо важно – куда.

Остаток дня мы потратили на бегство, стараясь держаться подальше от дороги. Пару раз на пути все же попадался изгиб серпантина с рядами брошенных машин – они так и стояли, исковерканные, с выбитыми стеклами. Людей внутри не оказалось – ни мертвых, ни живых. Мы обшарили брошенные вещи и собрали все, что могло пригодиться, в основ-

ном еду и бутылки с водой. Под сиденьем грузового фургона я нашел «беретту» с полной обоймой, владелец то ли не успел пустить пистолет в дело, то воспользовался другим оружием. На сиденье сохранились уже потемневшие кровавые пятна, но труп исчез, как и все остальные тела. С перевала открывался странный вид – бесконечные горы, похожие на окаменевшее море, этот экзотический пейзаж лишь усиливал ощущение тупой усталости. Где-то очень далеко временами постреливали.

Экса вытащил пистолет, о существовании которого я даже не подозревал, проверил его и снова спрятал.

– Ты хоть понимаешь, Серега, что это конец? – спросил он совершенно спокойно.

– Нет, не конец, – возразил я больше из упрямства, чем по убеждению. – Через сутки-двое подтянут армию из Подгорицы и все зачистят.

– Которую армию? У них вся армия – две тысячи человек, последний танк стоит в музее.

– Правда, что ли?

– А ты не знал?

– Нет.

Экса расхохотался.

– Кстати, зомби заразны, один укус – и готово. Укушенный шансов не имеет – станет с ними в один строй и зашагает. И так везде – хоть это ты понимаешь?

Масштаб катастрофы я понимал, но обсуждать все это не имело смысла. Экса был прав – мир необратимо менялся. Враг, конечно, оставался – на этот раз хороший, понятный, нечеловеческий враг, которого можно убивать без лишних размышлений... К сожалению, враг почти бессмертный, так что наши личные шансы выглядели неважно.

– Ты как здесь оказался? – спросил я осторожно. – Врешь ведь, что в отпуск приехал.

– Конечно, вру, – совершенно спокойно согласился он. – Попал я сюда не случайно, пригласили очень серьезные люди. Обещали работу с учетом... опыта. Думали... этот опыт поможет.

– И где они теперь, твои серьезные люди?

– Не знаю. Может, удрали, а может, и нет.

Он, скорее всего, не договаривал, но в тот момент я решил не напирать, опасаясь, что Экса замолчит совсем.

– Всякое может случиться... – тихо пробормотал он. – Ты прав, в конце концов они введут сюда войска, надо будет – по гражданским ударят.

– Кто «они»?

– Борцы за добро хреновы, – ответил он, криво ухмыльнувшись. – Ладно, не бери в голову.

Выстрелы вдали понемногу стихли.

Деревню наполовину скрыл утренний туман. Насколько позволяла эта дымка, я рассматривал деревенскую площадь, красные черепичные крыши и белые стены домов. Строевые выглядели нетронутыми, жители то ли еще спали, то ли просто не показывались. Немошеная улица поросла короткой травой, по ней бродили, что-то склевывая, сонные куры.

– Спокойно, ничего не скажешь, – подытожил Экса. – Но что-то слишком тихо, собаки даже не лают. Радан, покараул девушку, а мы вдвоем посмотрим, что там.

Подул ветер с гор, и туман начал редеть, оставляя на камнях мелкие капли воды. Незапертая дверь крайнего дома поскрипывала на сквозняке. Внутри было темно и очень тихо, большая серая кошка зашипела и прыгнула из-под ног в сторону. Люди ушли, скорее всего, недавно – букет в керамической вазе еще не засох, пыль не успела осесть на стеклах.

– Эй, хозяин! – позвал Экса, но ему не ответили.

Я добрался до полутемной кухни и там нашел человека, которого поначалу принял за брошенный на стул мешок. Хозяин дома совсем обмяк и спал в неестественной позе, опустив голову на скрещенные руки. Он не сразу понял, что появились гости, а осознав это, медленно поднял голову и уставился на нас неподвижным взглядом.

«Доброе утро», – хотел сказать я, но не успел.

– Моро, назад! – заорал Экса, но я и так сообразил, что смотрю прямо в белесые глаза зомби.

Этот экземпляр переродился совсем недавно – одежда не успела обтрепаться, в выражении лица сохранилось еще что-то человеческое. На миг мне показалось, будто этот тип собрался поздороваться, но вместо этого он прыгнул на меня с невероятной быстротой. Выстрел из «беретты» угодил противнику в голову. Пуля пробила бескровное отверстие в лысом черепе, зомби даже не заметил раны, он сбил меня с ног и уложил на лопатки. Хватка оказалась невероятно цепкая, выстрелы в упор не улучшили положение. Дергаясь и задыхаясь, я слушал, как ругается Экса, потом еще одна пуля вошла сбоку и пробила шею мертвецу. В сторону отлетели клочки плоти, но кровь так и не показалась. Я вдруг понял, что зомби не дышит. Он мог выть и кричать, но если молчал, то не дышал и не пах ничем – ни живым, ни мертвым. Зрачки не реагировали на свет, чудовище, не обращая внимания на Эксу, продолжало удерживать меня так, что трещали ребра.

– Мать твою, сделай что-нибудь, – захрипел я, кое-как переводя дыхание.

Снова раздался выстрел, пули ложились рядом, пока у Эксы не кончилась обойма. Полуоторванная башка твари скособочилась, но невероятным образом это существо продолжало жить.

Экса куда-то исчез, а потом вернулся с хозяйским ружьем. Он не стал стрелять, видимо опасаясь задеть меня дробью, вместо этого ударил прикладом по тому, что оставалось от шеи врага, и голова с хрустом отлетела.

Я скинул с себя мертвую тушу.

– Он тебя укусил? – настороженно прищурившись, спросил Экса.

– Вроде нет.

– Слушай, ты чего придуряешься, посмотри как следует.

– Да пошел ты, я же говорю – все чисто.

– Ладно, чисто так чисто. «Спасибо» можешь не говорить.

Он отошел от меня и начал деловито обыскивать кухню, собирая продукты в рюкзак, потом убрался в соседнюю комнату, там вскоре раздался такой треск, будто отодрали половицу. Я кое-как встал, понимая, что побывал на краю смерти. Соваться в другие дома сразу расхотелось.

– Этот чувак не совсем переродился, иначе бы так просто не сдох, – объяснял вернувшийся Экса.

– Еда в доме не заразна?

– Нет.

– Говоришь, передается через укусы?

– Да.

– А через воду, воздух – нет?

– Нет.

– Слишком много знаешь.

Экса дернул плечом.

– Тебе повезло, что не слишком мало. Надо бы встретиться с теми самыми людьми, которые меня наняли.

– Ты говорил, что они сбежали.

– Я сказал «может, удрали». У них тут база неподалеку. Если повезет и туда кто-то явится, нам помощь не помешает.

Он пошарил в шкафу, вытащил бутылку вина и, свернув металлическую пробку, отпил из горлышка.

– Нервничаешь? – спросил я.

– А ты – нет?

– Я не завяз в этом деле как ты.

– Да брось. Завяз или не завяз – зомби разбираться не станут. Если хочешь – пошли туда вместе.

– Не доверяешь своим новым друзьям? Зовешь меня для подстраховки?

– Они мне не друзья, а наниматели, разницу знаешь? Но не думай, я там не вижу никакого подвоха. Люди влиятельные, если что – помогут.

– Собираешься сказать об этом Радану?

– Зачем? В конце концов, он и Кайа в своей стране – зачем нам их впутывать в чужие дела? Доведем обоих до убежища в Острожском монастыре, там и оставим.

Экса был циник и то, что называется вольная птица, но я и раньше об этом знал. Внезапно ощущение чужого присутствия вынудило меня оглянуться. В дверях стояла Кайа, она смотрела на нас, не мигая, темно-кари́м глазами из-под длинных ресниц.

Чуть позже я заглянул в гараж на задворках и отыскал старый «фольксваген» с наполовину полным баком. Один, в пустом гараже, я осмотрел свои руки, проверяя, не осталось ли на коже укусов.

Монастырь не прилепился к скале – он бы ее частью. Из высеченных в камне залов доносилось пение. Тесный двор-террасу сплошь заполняли беженцы. Они там спали, ели, жгли свечи, молились, ругались и плакали. Узкая и опасная грунтовая дорога обрывалась в полукилометре от устроенной в скале обители. Именно там, внизу, два часа назад мы бросили взятый в деревне автомобиль. Теперь Кайа дремала, подложив под голову ветровку, а я рассматривал скалы, массивную ограду из бутового камня и арку ворот. Ворота стояли тут со времен турецкого нашествия, и бесчисленные паломники, касаясь кладки, отполировали ее до блеска. Где-то внутри горы, в пещере, покоился со славой местный святой.

– Пора уходить, – поторопил меня Экса. – Иначе стемнеет и застрянем здесь до утра.

Я задумался, прикидывая степень риска. Из зарослей на горном склоне временами доносился подозрительный треск, но мертвецы не показывались.

– Пошли, – снова поторопил Экса.

Я забрал рюкзак и прошел под аркой ворот, незаметно коснувшись их на удачу. Вскоре мы сосредоточенно спускались по склону, стараясь не поскользнуться на гладких камнях. «Фольксваген» так и стоял, никем не тронутый.

– Бензина хватит?

– До места всего километров сорок, – уверил меня напарник, садясь за руль. – Там база на заброшенном заводе, должна быть вертолетная площадка. Если выжившие есть – они там.

– Думаешь, они тебя ждать станут?

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Экса, и я вдруг понял совершенно отчетливо – у него есть тайные основания думать именно так.

Ситуация выглядела странно, но поспешное бегство и стычки почти без оружия мешали мне сосредоточиться и понять, в чем здесь подвох.

Темнело стремительно. Сумрак по обочинам дороги, казалось, шевелился. В свете задних фар мелькнула белесая фигура, почти голая, в рваных остатках джинсов и без рубашки, она попыталась гнаться за нашим «фольксвагеном», но вскоре отстала за поворотом. Экса,

который в зеркале заднего вида тоже разглядел зомби, тут же нажал на газ. Через четверть часа впереди замаячило кое-что странное – поначалу я принял эту грудку за свежий оползень, но камни внезапно зашевелились. Живые мертвецы, числом штук двадцать, орудовали на дороге, пытаясь перегородить ее баррикадой. Логика их действий явно отличалась от человеческой – зомби, двигаясь словно муравьи, таскали неподъемные обломки скал, вместо того, чтобы просто скинуть их нам на головы.

Экса, ругаясь, попытался развернуться на узкой дороге, но сумел лишь сдать назад и заехать в устроенный на трассе «карман».

– Облом, надо возвращаться, – твердо сказал я.

– Куда?!

– В убежище, там много людей, есть боеспособные, можно держать оборону.

– Без тяжелого вооружения в Остроге все кончится за полчаса, а до базы еще километров пять от силы, склон тут пологий, пошли напрямую пешком.

– Если они увяжутся, то догонят.

– Зомби не собаки, по следу не ходят. Видят в темноте хорошо, но нас прикроет лес. Если не очень шуметь, шансы есть.

Я согласился, и мы вылезли из машины, прислушиваясь к отдаленному вою.

– Жрать хотят, – усмехнулся Экса. – И не только жрать, иногда я думаю, что они пытаются... отомстить, что ли?

– За что?

– За свою смерть, – совершенно серьезно сказал он.

Склон оказался довольно крутым, из-под ног посыпался щебень. Редкие заросли скрывали нас от наблюдателей, заодно рвали одежду и цеплялись за рюкзаки.

Сначала я шел быстрым шагом, потом, когда сзади раздался треск, побежал, ломая заросли. Зомби, возможно, настигали нас, но понять, что происходит на самом деле, в темноте не удавалось. Вой раздавался то дальше, то ближе. Несколько раз я падал и катился вниз вместе с грудой щебня и сломанных веток. Примерно через полчаса мы все же спустились в долину, там, среди чахлой рощи полусохших пальм, я разглядел контур заводской трубы.

– Единственный завод на всю страну – и тот десять лет уже не работает, – расхохотался Экса. – Нам повезло, Серега, здесь кто-то есть.

Кучка мужчин возилась с ящиками возле ангара. Неподалеку, на фоне черно-синего неба торчал характерный контур «вертушки».

– Who goes there?³ – спросил по-английски чужой голос.

В произношении мне почудился британский акцент. Долговязый человек в черной ветровке вышел вперед и смерил меня пристальным взглядом.

– Hi! I came back with my friend⁴, – поспешно отозвался Экса.

– Did you bring the thing, you've promised?⁵

– Of course⁶.

Экса вытащил из кармана и отдал долговязому плоскую коробку. Тот открыл ее и несколько секунд рассматривал содержимое, в свете фонаря оно сверкнуло холодным блеском.

– Very good. Where did you find that thing?⁷

³ Кто идет? (англ.)

⁴ Привет! Я вернулся с другом (англ.).

⁵ Вы принесли то, что обещали? (англ.)

⁶ Само собой (англ.).

⁷ Очень хорошо. Где вы нашли эту штуку? (англ.)

– It was hidden right under the floor in the house and village, specified by you⁸.

– Does our friend knows?⁹ – вопрос сопровождался кивком в мою сторону.

В этот миг я ощутил холодок угрозы. Она крылась не столько в словах, сколько в самой манере этого человека – он неосознанно набычился и замер в этой позе, стиснув кулаки. Рядом с «черной курткой» маячили его телохранители – эти оружия не прятали и глядели на меня как на хлам.

– My friend knows nearly nothing, – снова поспешно ответил Экса, – by the way, he does not speak English¹⁰.

– I warned you. Do not engage strangers!¹¹

– Mr. Austen, I'll vouch for my friend¹².

Обладатель черной куртки слегка расслабился и сделал неопределенный жест, который мог сойти за приглашение. Меня не обыскали – это внушало кое-какие надежды. В ангаре я устроился на ящике, прислонившись к стене. Трое хмурых, хорошо вооруженных парней слонялись неподалеку, время от времени они бросали на меня оценивающие взгляды.

– Пошли, – позвал меня появившийся Экса, – Босс хочет с тобой пообщаться. Его зовут Остин. Не показывай этому Остину, что понимаешь английский, говори через переводчика. И еще – если он решит, что ты немного придурок, не надо его разубеждать.

– Начало что-то не очень.

– А застрять в местной дыре на полгода – это лучше?

Обрисованная Эксой перспектива, к сожалению, была реальна, поэтому я прервал спор и прошел в отгороженную часть ангара. Британец в черной куртке сидел на раскладном стуле и возился с планшетом. Переводчик, скорее всего серб, устроился рядом на пустом ящике из-под патронов.

– Как вас зовут? – быстро спросил он по-русски почти без акцента.

– Сергей Лунарев, – солгал я, позаимствовав фамилию у своего прежнего напарника.

– Когда и как вы познакомились с нашим сотрудником?

– Примерно пять лет назад, когда мы работали с аномальными объектами, – ответил я обтекаемо, и это была полуправда-полуложь.

– Что за объекты?

– Животные и люди, подвергшиеся мутации.

Видимо, ответ оказался удачным, потому что Остин едва заметно кивнул.

– Вы ученый?

– Нет.

– Тогда в каком качестве вы работали с аномальными объектами?

Вопрос получился неудобным, а правильный ответ на него зависел от того, в чем Экса признался своим работодателям. Я мысленно ругнулся – занятые бегством от зомби, мы не сделали самого очевидного, не договорились заранее, как будем врать.

– Я занимался охраной и сопровождением грузов, а также людей, – ответил я максимально аккуратно и в целом правдиво.

На лице Остина сохранялось невозмутимое выражение. Переводчик вытащил сигарету, словно собираясь закурить, но потом отложил ее в сторону.

– Вы хорошо владеете оружием?

– Да.

⁸ В деревне, в указанном доме, в тайнике под полом (англ.).

⁹ Ваш друг в курсе дела? (англ.)

¹⁰ Мой друг осведомлен о делах минимально. Кстати, он не говорит по-английски (англ.).

¹¹ Я предупреждал, чтобы не привлекали посторонних (англ.).

¹² Я ручаюсь за своего друга, мистер Остин (англ.).

– Участвовали в боевых действиях?

– Да.

– Вы понимаете, что мы не оказываем безвозмездной помощи?

– Да.

Остин сделал паузу и записал что-то в планшетник.

– Хотите задать мне вопрос?

– Кто вы? – немедленно попытался я перехватить инициативу.

– Неправительственная организация, занимаемся изучением зомби-угрозы. Чисто научные цели, работаем ради человечества. Но никакой благотворительности. Мы не выводим частных лиц из зараженной зоны ни при каких условиях, но, если вы нам подойдете, можем дать работу. Оплата хорошая, но от сотрудников мы требуем лояльности и дисциплины. Вы понимаете сказанное?

– Да.

«Пару дней потерплю эти игры, – не без озорства подумал я. – До тех пор, пока я не выберусь из Монтенегро и не окажусь поближе к российской границе».

– Так вы меня поняли? – снова спросил Остин через переводчика.

– Вполне.

– Согласны?

– Других вариантов нет.

Я был доволен, хотя Остин поверил мне как-то слишком легко. Это могло насторожить, но я вымотался, бегая по горам, а столкновение с ходячими покойниками в какой-то мере лишило меня здравого смысла.

– Тогда приступайте к работе немедленно, – ровным голосом перевел серб. – Проследуйте вместе с Клиффордом и его ребятами. Они покажут, что нужно сделать.

Я кивнул. Экса исчез и не показывался – мне это не нравилось, хотя присматривать за мной он был не обязан. Двое вооруженных ребят тем временем пристроились по бокам, они не выказывали враждебности, но держались слишком близко. Переводчик уныло брел рядом, мне показалось, что в его темных глазах мелькнула тоска.

– Направо, – подсказал он.

Неподалеку от «вертушки», скорчившись, сидели на корточках люди. Они выглядели оборванными, побитыми и, судя по выражению лиц, ничего хорошего от меня не ждали.

– Это несчастные, подвергшиеся заражению, – ровным голосом сказал переводчик. – Мистер Остин просил передать, чтобы вы избавили их от мучений.

Пленные (а назвать их иначе никак не получалось) уставились на меня с явным ужасом. Видимых укусов не было ни на ком.

– Don't trust these people, we are healthy¹³, – забормотал тот, который выглядел пободрее. – They lie, we are not marauders.

Возможно, они как раз и отметились тем, что мародерствовали в брошенных домах, но Остин, в сущности, занимался тем же самым, просто в больших масштабах. Охранники придвинулись вплотную, сообразив, что я впустую тяну время.

– Вам же сказано – действуйте, – повторил переводчик.

Я уже понял, что меня сдали и теперь или свяжут кровью, или уберут. Про роль Эксы в этой истории даже думать было противно.

– Не надо сомневаться, – мягко сказал переводчик. – Они очень опасны.

В сущности, этот унылый парень не лгал – окажись пленники заражены, и через несколько часов они мутировали бы в смертельно опасных врагов. Если тебя укусили, шан-

¹³ Не верьте этим людям, мы здоровы. Они лгут, мы не мародеры (англ.).

сов нет никаких, и в этом смысле за действиями Остина просматривалась определенная логика. Она не была доброй, но по крайней мере была рациональной.

Я вытащил пистолет и отстраненно подумал, что патронов слишком мало и на всех не хватит.

– Постарайтесь уйти в суматохе, – сказал я вслух, обращаясь к своим несостоявшимся жертвам, а потом пнул охранника в колено и отскочил за пальму. Случилось это как раз вовремя – пуля свистнула возле самого уха, так, что шевельнулись волосы. Следующий выстрел угодил в ствол мертвого дерева. Надеяться на помощь пленников Остина не имело смысла, но у этих ребят хотя бы появился шанс сбежать. В обойме у меня оставалось всего три патрона, я, не колеблясь, потратил их, чтобы немного задержать охрану. Где-то позади, со стороны, дороги снова раздался протяжный вой мертвецов, он-то и отвлек моих врагов по-настоящему.

– Oh, shit!¹⁴

Я воспользовался чужим замешательством и бросился дальше в темноту.

– Shoot him!¹⁵ – прозвучал очень понятный приказ.

Экса, кажется, появился на заднем плане и начал возражать, но его быстро заткнули. Я же несся вверх по склону, навстречу надвигавшемуся вою живых мертвецов. Следующая чужая пуля задела плечо, по рукаву потекла горячая струйка. Шеренга темных фигур появилась и придвинулась ближе.

– Look out! Zombies!¹⁶ – орал у меня за спиной, снова по-английски.

Стрелять они не перестали – может, по мне, а может, по живым мертвецам. Ситуация от этого не ухудшилась – она и так была хуже некуда. Через миг я врезался во что-то подвижное и жесткое, получил удар, прикрылся рукой, и тогда в нее вонзились острые, нечеловеческие зубы. Возле вертушки теперь кричали – сначала голоса были более-менее ничего, потом – уже определенно нет. Я упал ничком и перекатился на спину. Рука горела, словно в нее впрыснули расплавленный металл. Небо, усеянное крупными звездами, проглядывало сквозь пальмовые кроны. Я смотрел на это южное небо, пока глаза не закрыла муть, потом я лежал молча, кусая губы, старался молчать и не двигаться. Справа и слева от меня, быстро и целеустремленно, правильными рядами шагали зомби. То ли от боли, то ли в горячке уже начавшегося перерождения я вдруг понял их мысли. В этих несложных мыслях смешивалась мучительная тоска по утраченной человеческой сущности и одновременно – нарастающая ненависть к людям.

Рука пылала все сильнее, меня лихорадило так, что зубы стучали друг о друга. Вопли возле вертушки затихли, раздался свист винтов, потом он утих, и застучал пулемет. Зомби шли в атаку, время от времени они наступали на меня пятками, но я ощущал эти толчки едва-едва. Страх исчез, исчезла и боль – осталась только мучительная тоска, отчасти уже смешанная с ненавистью. Я попытался сопротивляться, вспоминая лица немногих оставшихся у меня друзей, но их словно спрятала мутная пелена. Возможно, я заорал, не в силах справиться со смесью ненависти и тоски. Возможно, кто-то пришел на мой крик, чтобы прикончить, ряды зомби исчезли, звезды проступили сквозь кровавую пелену. Потом все смазлось и погасло, осталась только кровавая темнота.

Очнувшись, я понял, что валяюсь на земле, небо светлеет, моя голова лежит на чьих-то коленях. Не было больше мертвых пальм, издали доносилось торжественное пение мужских

¹⁴ Вот дерьмо! (англ.)

¹⁵ Убейте его! (англ.)

¹⁶ Берегитесь, тут зомби! (англ.)

голосов. Я снова очутился на террасе горного монастыря, надо мной склонилось встревоженное лицо Кайи.

– Тебе лучше? – спросила она, тщательно выговаривая русские слова.

Зрение «плыло», потеряв фокус, но я поднес к глазам свою руку и все же разглядел глубокий укус на тыльной стороне предплечья. Он не кровоточил, выглядел совсем чистым и не оставлял мне никакой надежды.

– Лучше, – солгал я, кое-как откашлявшись, и не узнал собственного голоса.

– Ты ранен в плечо, тебя ночью привез тот, второй.

– Экса? Где он сейчас?

– Забрал все оружие и почти сразу уехал на машине.

У меня не оставалось сил даже на ненависть.

– Кайа...

– Что?

– Когда я умру, проследи, чтобы тело сожгли.

– Ты не умрешь, – сказала она с величайшей убежденностью. – Я молилась всю ночь, а потом ты очнулся.

Смеяться было неприятно, сильно ныли ребра, не знаю, насколько переменялся мой вид, но внутри трансформация, очевидно, шла полным ходом. Я не знал, существует ли между состоянием человека и жизнью зомби хоть какой-то подобный смерти переход, но надеялся, что он есть и Кайа все же последует моему совету.

– Пока ты спал, к ограде приходили живые мертвецы, – очень спокойно добавила она. – Потом они ушли. Тут святое место, оно не для проклятых.

Я имел все шансы очень скоро сделаться таким же «проклятым», но не стал говорить ей об этом. Чуть позже меня посетила странная мысль – возможно, пленники Остина действительно подверглись заражению и ночная атака зомби на ангар имела целью спасение «своих».

Лихорадка, отступив на время, очень быстро накатила снова. Я словно шел сквозь огонь, придерживая на плече тяжелую ношу. Огонь полыхал все сильнее, выжигая изнутри, а потом сознание возвращалось, я видел лицо Кайи, чувствовал внезапный холод и слышал, как лязгают мои же зубы.

Один раз краем глаза я заметил хмурую и расстроенную физиономию Радана, а потом еще кого-то. Этот кто-то закатал мне рукав и поставил укол. После укола я отключился и снова наблюдал видение – бесконечную вереницу бредущих за горизонт зомби и себя в их числе.

Не знаю, сколько прошло времени, но последний раз я очнулся тоже на рассвете. Рядом сидел Экса, он дремал, прислонившись головой к ограде террасы. Левая Эксина рука была перевязана, а под глазом наливался фиолетовым громадный синяк. Лихорадка моя прошла, укус почти не болел, но слабость временами накатывала такая, что лень было поднять веки.

– С днем рождения, – сказал, очнувшись, мой ненадежный напарник.

Я бы с удовольствием дал ему по и так избитой роже, но не сумел даже стиснуть кулаки.

– Не кипятись, ты даже не знаешь, что произошло, – поспешил добавить он.

– Издеваешься? Я на себе это почувствовал.

– Я не занимался зачистками гражданских. Я даже не представлял, что люди Остина могут на такое пойти.

– Врешь, – ответил я устало. – Впрочем, даже если не врешь – привыкай. Скоро такие зачистки станут обычным делом.

– Погоди... Да послушай же, Моро, этот Остин, конечно, сволочь, но очень серьезный человек. Он хотел сыворотку, которая вроде бы может остановить трансформацию, но фармацевт с ним работать не стал, сбежал в эту дыру, а потом мужика сожрали зомби.

– Скорее уж, эти хорошие парни Остина скормили его мертвецам.

– Возможно, но я при этом свечу не держал, – отрезал Экса, скривившись. – У меня был заказ – забрать эту вещь из тайника в доме.

– Ты попутно меня сдал.

– Нет! Я ничего не знал, – возразил он, на этот раз устало и обреченно. – А когда попытался вмешаться, было поздно. К тому же я потратил на тебя этот самый последний образец вакцины.

– Что?

– То, что слышал. По-моему, оно подействовало, но что было в этой ампуле, теперь уже не узнать. Так что живи, не беспокойся.

Я попытался сесть, это удалось с четвертой попытки.

– Не стоило так делать.

– Тебе я был сильно обязан, а Остину – только деньгами, а потом, когда он меня, обманул – ничем.

– Почему он отдал тебе вакцину? С чего такая щедрость?

– Конечно, сам бы не отдал, но после атаки зомби выжили только Остин и его переводчик. Я сутки потратил на поиски, а потом просто забрал у них то, что хотел.

– Босс сильно возражал?

– Обещал меня убить, – криво ухмыльнулся Экса.

– Ладно, черт с ним, с Остином, но ты хоть понимаешь, что из-за меня просрал единственный шанс человечества?

– Слушай, отстань, – огрызнулся Экса. – На тебя не угодишь – то тебе подстава не нравится, то спасение не такое. Ты жив? Жив. В норме? Вроде в норме. Не было никакого шанса, не бери в голову. Главная проблема в том, что Остин такие вещи не прощает и меня все равно отыщет. А вот ты даже имя мое не помнишь.

Я попытался вспомнить настоящее имя этого человека, но в голову не приходило ничего, кроме приклеившегося к нему намертво прозвища.

– Саней меня зовут, – подсказал Экса. – Так и запомни – был такой безбашенный чувак, который, с твоей точки зрения, просрал замечательный шанс человечества.

Я замолчал, уже не решаясь больше спорить. Потом, цепляясь за ограду, кое-как поднялся на ноги. Погода портилась, через перевал ползли тяжелые серые тучи. Вдали, на склоне, на самой границе видимости, копошились живые мертвецы – прищурившись, я видел их угловатые силуэты. Мир стремительно менялся – и мы за ним не успевали...

События сложились так, что выбраться из Черногории мне удалось только через два месяца. С тех пор я больше не видел Эксу. Война с зомби идет уже год, с тех пор многое изменилось.

Подаренный мне последний шанс я использовал как только мог.

Виктор Точинов 22 июня

Дорогие хомяки, нам надо подумать о достойной смерти, а не о шутовском карнавале.

В. И. Новодворская

1. Не каждая лошадь кобыла, но каждая кобыла – лошадь (аудиозапись)

Передо мной на столе лежит пистолет – не копия-пневмашка и не газовик – боевой, хотя закон о короткостволе так и не приняли, а теперь принимать уже поздно, да и некому... Но мой «иж» вполне легальный, получен в ОВД¹⁷ при убытии в командировку, и номер на вороненом металле вполне соответствует цифрам, записанным в моих удостоверении и лицензии.

Рядом с пистолетом лежит диктофон «Олимпус». Тоже вполне законный. Не замаскированный под авторучку, пуговицу или под визитную карточку (последний писк моды и хит сезона), хотя у нас в агентстве с избытком хватает таких игрушек, запретных для простых граждан.

Но диктофон выглядит именно как диктофон. Он мой личный, приобретенный за кровные денежки. Хотя и служебный у меня сохранился, выглядит он как банковская кредитка. Но запись, сделанная на кредитку, наверняка пропадет. Кого теперь заинтересует кредитная карта, лежащая на видном месте? От бумажных денег и то больше проку. Их можно использовать для растопки, например. Или для подтирки.

Смешно, но совсем недавно я надеялся, что именно этот «Олимпус» поможет мне обеспечить безбедную жизнь по окончании нынешней службы. Вернее, многочисленные записи, сделанные «Олимпусом» и не сданные вместе со служебными отчетами...

И вот как все обернулось. В последние время жизнь мне обеспечивал исключительно «иж». Не то чтобы совсем безбедную жизнь, но все же...

Теперь не будет обеспечивать. И даже если бы сегодняшняя вылазка завершилась иначе – не обеспечил бы.

Потому что в «иже» остался один патрон, последний. Очень жаль. Собирался еще за неделю до отъезда зайти в салон, прикупить пару коробочек «маслят» и в тир заглянуть, давненько не бывал, да так и прособирался... А если бы и собрался, из Москвы лишние патроны сюда бы не повез... Не ожидалось здесь перестрелок, да и закон неодобрительно относится к людям, таскающим с собой более двадцати положенных патронов на ствол, второй раз прищучат – прощай, лицензия.

В памяти «Олимпуса», наоборот, свободного места до хрена. Больше, чем требуется, тридцать два часа с минутами. Тридцать из них я бы с легкой душой обменял на пару патронов. Ау, нет желающих совершить ченч? Желающих нет, в квартире я один. Это была шутка. Несмешная. Что-то не то с моим чувством юмора... И не только с ним.

¹⁷ © В. Точинов, 2013. С 2012 года служебное оружие, принадлежащее частым охранным предприятиям (ЧОП), находится на хранении в органах внутренних дел и выдается лишь для выполнения заданий, после чего сдается обратно.

Ладно, проехали. Расскажу по порядку, с чего для меня лично все началось. А чем все закончится, вы услышите в конце записи.

А если... В общем, если вы меня сейчас слушаете, быстренько загляните в конец этого аудиофайла. И если не услышите звук выстрела, хватайте диктофон и уносите ноги. Потому что я могу быть где-то рядом... И могу быть опасен. Вернее, не совсем я. Но все равно опасен...

Итак, будем считать, что все в порядке, выстрел вы слышали. Продолжим.

...«Сапсан» прибыл в Питер утром двадцать второго июня, в половине одиннадцатого, но мы всей компанией сидели в своем втором вагоне еще сорок минут – режим усиленной безопасности, не шутка. Чужих в вагоне не было, все билеты выкупили, и с десятков мест пустовало, но нашим принципалам десять пропавших билетов пустяк, семечки. В общем, все свои. Вся головка и верхушка – Мясистый, Чемпион, Рукоблуд, Тортилла, Матрасник, Распутин... Из московских авторитетов только Сумчатый с нами не ехал. Он, по слухам, напрямую из Америки прилетел, его в Пулково встречали. Остальные все тут. Кроме Кобылы, разумеется. Ее, как виновницу торжества, сюда первой доставили. В цинковом ящике.

Они, принципалы, и не знали, что под такими оперативными псевдонимами – вроде Кобылы и Рукоблуда – их называют не только в разговорах чоповцев, но и в наших внутренних документах. А знали бы, не расстроились, брань на восток не виснет.

Доехали весело. Мы-то не пили, на службе нельзя, а наниматели наши не то чтобы в лежку, но маленько расслабились... И в памяти «Олимпуса» новая интересная запись появилась. Я тогда считал, что интересная... А теперь... Все дохлой Кобыле под хвост.

Наконец выпустили и нас на перрон. Все встречающие-проводящие уже рассосались, полицейское оцепление осталось да люди с телекамерами. Оцепление, кстати, не только ради нас выставили: все прибывшие через кордон узкой струйкой просачивались; чуть кто на вид подозрительный – тут же на медобследование. Режим усиленной безопасности, РУБ в сокращении.

Вытряхнулись на перрон, и мы по инструкции тут же – внутреннее кольцо, журналоги объективами целятся, принципалы морды лица от них отворачивают, потому как помяты слегка и некиногеничны. Но мой-то, Распутин, мимо камер пройти не мог. У него рефлекс условный, как у собак Павлова. Толкнул речугу небольшую, я особо не вслушивался, все тот же малый джентльменский набор, что и на московском перроне, перед отъездом: не забудем, не простим (Кобылу и ее погубителей соответственно), РУБ – предпоследний шаг к фашизму и генеральная репетиция тридцать седьмого года, ну и прочая лабуда... Все как всегда. Разошелся, в глазках черных и блестящих бесенята прыгают, совсем как у Ефимыча первого и настоящего, – насколько я того по фильмам представляю, разумеется. В вагоне куда как интереснее про смерть Кобылы говорил, про «Олимпс» не зная. А на меня и внимания не обращал, что для них охрана? – так, предметы мебелировки.

Вокзал обошли через какой-то боковой проход, тоже оцепленный, ладно хоть через санкордон просачиваться не заставили. Расселись по машинам, поехали. Прощание в Манеже уже шло, но наши для начала в гостиницу – надо же над помятыми физиями визажистам дать поработать, прежде чем под камеры выставляться. И тут все как всегда.

А вот город, пока ехали, непривычно выглядел. Пустынно. Москва, наоборот, в те дни на муравейник походила, куда кто-то ацетона плеснул и вот-вот спичку поднесет. А здесь улицы-проспекты пустые, если не считать патрулей и постов. Машин мало, прохожих почти нет... Но это в центре, а что в спальных районах творилось, я тогда не знал.

Еще дней десять назад совсем по-другому Питер выглядел. Распутин последний год повадился сюда постоянно мотаться, каждые две недели, а то и чаще. А мне на руку, жена в Москве, а в Питере – Люська, как с дежурства сменяюсь, не в гостинице ночую, у нее... Обжился там немножко, вещички кое-какие завел, ключи себе от ее квартирки сделал. Но

без обязательств. По утру все четко: служба, дорогая, труба зовет. Она, наверное, планы какие-то в отношении меня строила – развести, окольцевать... Но кого теперь волнует, какие у нее были планы. Лучше б у нее была пара банок тушенки в холодильнике. Потому что последние часы я провел именно в Люськиной квартире, и жрать поначалу хотелось не по-детски. Теперь уже не хочется...

Но что-то я не о том... Вернемся к теме.

...Хоронили на Никольском, у Лавры. Я кладбища не люблю. Бываю при необходимости, но не люблю. Однако это понравилось – старое, хоронят редко, в исключительных случаях, и уже не как погост смотрится, а как парк вроде бы с архитектурными прибабасами... Зелень, деревья старые, прудик неподалеку от кладбищенской церкви, живописный такой, вытянутый, утки плавают, рыбешка даже какая-то всплескивает...

Я еще подумал (вот дурак-то!), что хорошо бы здесь лечь, когда срок придет. Уютное место, тихое, спокойное... Ага. Знал бы, что там через час начнется, рванул бы из уютного местечка без оглядки, плюнув и на Распутина, и на свое начальство... Но я не знал.

А началось все с того...

Секундочку... Кажется, пришла пора сделать инъекцию...

2. Не все, пойманное в реке, годится в пищу

Мотня невода подошла к берегу тяжело и перекосячившись, потеряв правильную конусовидную форму. Что-то там, внутри, лежало большое, зацепленное со дна Луги. Не здоровенная рыбина, понятно, уж на рыбу-то у Свиридыча глаз был наметан. Топляк, наверное. Сорок лет, как прекратили по реке молевой сплав, а топляков меньше не становится, расчищай тони, не расчищай, все равно новых по весне нанесет. Что ж не нанести, если на иных плесах на дне слой в два-три метра из утонувших бревен вперемешку с илом и песком. Лет на сто еще хватит...

Свиридыч не ошибся. Он в рыболовных делах ошибался крайне редко. Внутри сетного мешка и впрямь не затаилась громадная рыбина, отчего-то не пожелавшая бороться за жизнь и свободу. Хотя рыбы хватало: тяжело ворочались золотистые лещи, извивались сомы – откуда-то, то ли с низовьев, то ли с верховьев, заплыло в тот год множество сомят, мелких, килограмма по полтора-два – ни дать, ни взять головастики: усатая башка да хвост. Лещей собирали в мешки, сомят бросали обратно в воду, пусть подрастают. Еще кое-какой прилов случился: пяток щук, пара голавлей приличных, жерех один сдуру влетел. Нормально притонились. Не то чтобы очень удачно, на этом месте и лососек цеплять случалось, – но нормально. В пропорцию. На троих поделить – вполне прилично получится. А если учесть, одному из их троицы пока лишь полдоли причитается, так и вовсе хорошо. Не зря бензин жгли и невод мочили.

Этот выезд с неводом был первым в сезоне, пробным, по весне больше ставные сети да мережи в ходу. Потому и отправились втроем – чтобы семидесятиметровый невод вытянуть, троих хватает. Ну а позже и снасть будет солиднее, и бригада многочисленнее.

Постепенно выворачивая мотню, выбирая рыбу и вычищая мелкий донный мусор, они помаленьку добрались и до удлиненного предмета, облепленного водорослями и принятого Свиридычем за топляк.

Но это был не топляк.

И не иной рукотворный или природный предмет, угодивший в Лугу.

Мертвец.

Утопленник.

Причем оказался он на дне или своей, или чужой злой волей, но в любом разе не вследствие несчастного случая: от шеи мертвеца тянулся не то провод, не то веревка, толком не разглядеть под слоем зеленовато-серой слизи.

– Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца... – дурашливо продекламировал Николка, шестнадцатилетний сын Парамоши, уже пару лет помаленьку привлекаемый отцом к семейному промыслу. Вроде и балагурить пытался, но голос подрагивал... Непривычный.

Свиридыч глянул на оболтуса неодобрительно, но ничего не сказал. Вновь перевел взгляд на мертвяка.

Обосновался тот на дне реки давненько... Кожа серая с густым синеватым отливом и натянута туго, не сморщена, как у свежих утопленников. Счет на недели идет, а точнее сказать трудно: вода в Луге холодная, на дворе июнь, но купаться пока народ отваживается, лишь парясь в бане и хорошенько кирнув... Или просто хорошенько кирнув. Вот еще недельки три тепло продержится, так и купальщиков на берегах полно будет, и мертвяки куда быстрее разлагаться начнут...

Но когда именно этот бедолага нырнул и не вынырнул, дело десятое. Гораздо важнее решить, что с негаданным презентом Нептуна делать.

Пока Свиридыч решал (его право единолично принимать решения никем в небольшом коллективе не оспаривалось), Николка помаленьку оправился и занялся самостоятельностью. Отнюдь не художественной, хотя сам, возможно, считал иначе. Вытащил мобилу и стал прилаживаться сфотографировать мертвеца, а то и вообще заснять на видео.

– Парамоша... – укоризненно протянул Свиридыч.

Парамоша все понял без долгих объяснений: протопал к отпрыску, забрал мобилу. И тут же – хрясь! – заехал по уху. Не так чтоб с ног долой, хотя руку имел тяжелую. Но вполне чувствительно. Спросил спокойным и ровным тоном:

– Я зачем, Колхусь, тебе эту хреновину покупал?

Николка молчал, обиженно сопел и хлопал ресницами.

Хрясь! – воспитательный процесс продолжился. На сей раз прилетело другому уху, для симметрии.

– Так зачем? – спросил Парамоша так же спокойно и ровно.

– Чтоб звонить... – ответило чадо, хлюпнув носом.

– Верно, чтоб звонить. А не для того, чтоб ты ролики по тырнетам раскладывал.

Парамоша отвернулся, сочтя инцидент исчерпанным. Но мобилу не вернул, убрал в свой карман, от греха. Уточнил деловито:

– Обратно притопим? Или по-людски схороним, могилку выроем?

С властями Парамоша, отмотавший три года в колонии-поселении за злостное браконьерство, никаких дел иметь не желал категорически. Ни по какому поводу.

Но Свиридыч пока не принял решение.

– А не электрик ли это часом? – спросил он негромко, словно сам у себя. Затем командовал:

– Гляньте-ка, может, аккумулятор тут вместо груза?

Парамоша посмотрел на сына – тот стоял надувшийся и обиженный – не стал ни о чем просить, сам нагнулся к другой зеленой грудке, размером поменьше, именно к ней тянулся от шеи трупа не то провод, не то веревка. Может, и в самом деле там аккумулятор...

Дело в том, что электрик на реке или озере – это не тот мирный дядька с жэковскими корочками, что по квартирам ходит и проводку починяет. На водоемах электриками зовут хапуг с электроудочками. Снасть весьма уловистая и беспощадная: мальков и мелочь рыбную убивает подчистую, а крупняк, если на периферии электроудара окажется, – уйдет, уцелеет, но навсегда способность размножаться потеряет. В местах, где электрики хорошенько пошуровали и укатали, несколько лет рыбалка никакая. А им что? Свое взяли – и на другое место, потом на третье...

Хищничают в самых глухих углах либо ночами, поскольку рыбнадзор с электриками не церемонится. Не административное дело на них заводят, а сразу уголовное, – и в лучшем случае штраф громадный, на пару нулей побольше, чем за сетки или невод. При отягчающих – за решетку.

Но куда хуже для электрика встретиться на реке с браконьерами традиционными и притом местными. С теми, кто из поколения в поколение сетями тут промышляет. Если разжалобить их сумеет – все отберут, догола разденут и за борт – плыви, мол. А затем электроудочку врубают, чтобы на себе почувствовал, каково рыбе приходится... Приходится несладко: если сердцем слабый, так и утонуть может, а как там у выплывших с размножением – вопрос открытый. Ну а борзых и наглых – тоже за борт, но аккумулятор к шее привязав. И все, пропал без вести человек. Не вернулся с рыбалки, случается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.